Перси Джексон и море Чудовищ

Автор:
Рик Риордан

Перси Джексон и море Чудовищ

Рик Риордан

Вселенная Перси ДжексонаПерси Джексон и боги-олимпийцы #2

Перси Джексон возвращается в Лагерь полукровок и, к своему ужасу, обнаруживает, что магическое дерево Талии, в котором заключена душа дочери Зевса, отравлено, а ведь именно его магия всегда защищала лагерь от чудовищ. Перси посещают видения, из которых он узнает, что для спасения лагеря необходимо добыть золотое руно. Но добраться до него не так-то просто! Оно хранится там, откуда нет обратной дороги, – на острове циклопа Полифема в море Чудовищ…

Рик Риордан

Перси Джексон и море Чудовищ

Rick Riordan

The Sea of Monsters

© 2006 by Rick Riordan Permission for this edition was arranged throughthe Nancy Gallt Literary Agency

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Глава первая

Мой лучший друг в когтях у чудовища

В последнюю ночь моего пребывания в седьмом классе мне приснился этот кошмар.

Я стоял на безлюдной улице какого-то пляжного городка. Ночь подошла к середине. Бушевал шторм, дождь лил как из ведра, ветер трепал пальмы, растущие вдоль тротуара. По обеим сторонам дороги тянулись здания, покрытые розово-желтой штукатуркой, с заколоченными окнами. Через квартал отсюда, за выстроившимися в линию кустами гибискуса, пенился и неистовствовал океан.

«Флорида», – подумал я. Хотя не понятно, откуда я это знал. Никогда не бывал во Флориде.

Потом я услышал цоканье копыт по мостовой. Я обернулся и увидел, что ко мне со всех ног бежит мой друг Гроувер.

Ага, я сказал «копыт».

Гроувер – сатир. Выше пояса он выглядит как обычный долговязый подросток с жидкой козлиной бородкой и изрядным количеством угрей. Он передвигается странной, слегка прихрамывающей походкой, и, если бы вам вдруг не случилось увидеть его без штанов (не советую этого делать), вы ни за что бы не догадались, что он не совсем человек. Мешковатые джинсы и фальшивые ступни помогают скрыть покрытую шерстью нижнюю часть тела и копыта.

В шестом классе Гроувер был моим лучшим другом. Вместе с ним и девочкой по имени Аннабет мы прошли через множество приключений, чтобы спасти мир, но я не видел его с прошлого июля, когда он в одиночку пустился на поиски. Отправился в путешествие, из которого еще не возвращался ни один сатир.

Как бы то ни было, в моем сне Гроувер драпал во всю прыть, держа в руках свои ботинки – он всегда так делал, когда требовалось двигаться быстро. Он цокал мимо магазинчиков для туристов и лавочек, сдающих напрокат доски для серфинга. Пальмы гнулись под порывами ветра почти до земли.

Гроувера привело в ужас что-то позади него. Должно быть, он прибежал прямо с пляжа. На его шкуру налипли ошметки мокрого песка. Он пытался убежать от… от чего-то.

Шум бури перекрыл жуткий, оглушительный рык. За спиной Гроувера, в дальнем конце улицы, показался смутный силуэт. Темная фигура ударила по лампе фонаря, и та взорвалась дождем осколков.

Гроувер оступился, поскуливая от страха. Он бормотал себе под нос: «Нужно выбраться. Нужно их предупредить!»

Я не видел, что именно его преследовало, но слышал, как оно бормочет и ругается. Когда оно подошло ближе, земля содрогнулась. Гроувер метнулся за угол и споткнулся. Оказалось, что он забежал в тупик, во внутренний двор: куда ни глянь, сплошь витрины магазинов. Нет времени возвращаться. Ближайшую дверь распахнул штормовой ветер. Табличка над темной витриной гласила: «Бутик свадебных товаров святого Августина».

Гроувер бросился внутрь и нырнул за вешалку со свадебными платьями.

На тротуар перед магазином упала чудовищная тень. Я чувствовал запах твари – тошнотворное сочетание мокрой овечьей шерсти и гнилого мяса, да еще странный кисловатый душок, которым пахнут только тела монстров, ни дать ни взять скунс, который в последнее время питался исключительно блюдами мексиканской кухни.

Притаившийся за свадебными платьями Гроувер задрожал. Тень монстра двинулась дальше.

Тишина, слышен только шум дождя. Гроувер глубоко вздохнул. Может быть, тварь убралась восвояси.

Потом сверкнула молния. Весь фасад магазинчика разлетелся вдребезги, и голос чудовища проревел: «МОЕЕЕЕЕ!»

* * *

Дрожа, я рывком сел в кровати.

Не было никакой бури. Никакого чудовища.

В окно моей спальни проникал солнечный свет.

Мне показалось, что я заметил мелькнувшую за стеклом тень вполне человеческих очертаний, но потом в дверь спальни постучали. Раздался голос моей мамы:

– Перси, ты опоздаешь.

И тень за окном исчезла.

Должно быть, у меня разыгралось воображение. Забраться по шаткой пожарной лестнице на пятый этаж… не могло там никого быть.

– Давай, дорогой, – снова позвала мама. – Последний день в школе. Ты должен быть вне себя от восторга! Ты почти у финиша!

– Иду, – выдавил я, шаря под подушкой.

Пальцы привычно сжали шариковую ручку, с которой я не расстаюсь даже ночью. Я вытащил ее на свет, внимательно изучил выгравированные на ней древнегреческие письмена: «Анаклузмос».

Захотелось снять колпачок, но что-то меня удержало. Я так долго не пользовался Анаклузмосом…

К тому же мама заставила меня пообещать, что я не стану использовать смертельно опасные виды оружия в квартире, после того как я неудачно метнул дротик и расколотил ее застекленный шкафчик.

Я положил Анаклузмос на прикроватную тумбочку и волевым усилием выбрался из постели.

Оделся я со всей возможной скоростью. Я старался не думать о своем кошмаре, чудовищах и тени за окном.

«Нужно выбраться. Нужно их предупредить!»

Что Гроувер имел в виду?

Я поднес руку к груди, согнул три пальца, как будто это были когти, и резко отдернул, словно вырывая сердце, – древний жест, отгоняющий зло, которому меня когда-то научил Гроувер.

Не может быть, чтобы события из моего сна случились на самом деле.

Последний день в школе. Мама была права. Мне бы следовало прыгать от радости. Впервые в жизни я продержался почти год и меня не исключили. Никаких таинственных происшествий. Никаких побоищ в классных комнатах. Никаких учителей, превращающихся в чудовищ и пытающихся убить меня, подсунув отравленную еду в кафетерии, или взрывающих домашнее задание. Завтра я уже буду на пути в мое самое любимое место на свете – Лагерь полукровок.

Осталось потерпеть всего один день. Ну, в самом деле, даже я должен продержаться и ничего не испортить.

И как обычно, я и понятия не имел, как сильно заблуждаюсь.

* * *

Мама приготовила на завтрак синие вафли и синие яйца. Она так развлекается: отмечает особые случаи синей едой. Мне кажется, так она по-своему хочет сказать, что все возможно. Перси может закончить седьмой класс. Вафли могут быть синими. Такие вот маленькие чудеса.

Сидя за кухонным столом, я поглощал еду, пока мама мыла посуду. Она уже надела свою рабочую форму, в которой продавала конфеты в «Сладкой Америке»: синюю юбку со звездами и блузку в красно-белую полоску. Длинные каштановые волосы она собрала в хвост на затылке.

Вафли удались на славу, но, видимо, я заглатывал еду не так жадно, как обычно. Мама пристально поглядела на меня и нахмурилась.

– Перси, с тобой все в порядке?

– Ага… все норм.

Но мама всегда могла определить, если меня что-то беспокоит.

Она вытерла руки и присела напротив меня.

– Школа или…

Можно было не продолжать. Я знал, о чем она спрашивает.

– Я думаю, Гроувер в беде. – И я рассказал ей о своем сне.

Мама скривила губы. Мы никогда много не говорили о другой части моей жизни. Старались жить как нормальная семья, насколько это возможно, но мама все знала про Гроувера. Нельзя растить ребенка-полукровку вроде меня, не узнав некоторых вещей.

– Я бы не стала слишком волноваться, милый, – сказала она. – Гроувер уже большой сатир. Если бы что-то случилось, уверена, нам бы сообщили из… из лагеря…

Голос у нее дрогнул, и плечи напряглись, когда она произнесла слово «лагерь».

– В чем дело? – спросил я.

– Ни в чем, – ответила мама. – Вот что я тебе скажу. Сегодня утром мы будем праздновать окончание учебного года. Я отвезу вас с Тайсоном в Рокфеллер-центр, заглянем в тот магазинчик, который тебе понравился – где продают скейтборды.

Ну, мама, это же ужасный соблазн. У нас вечно не хватало денег. С учетом вечерних занятий мамы и ее непреклонной решимости отправить меня в частную школу, мы никогда не могли себе позволить такие излишества вроде посещения магазина товаров для скейтбордистов. Но что-то в ее голосе меня насторожило.

– Минуточку, – возразил я. – Мне казалось, сегодня вечером мы собираем меня в лагерь.

Мама комкала кухонное полотенце.

– Да, милый, насчет этого… Вчера вечером я получила сообщение от Хирона.

Сердце у меня упало. Хирон – исполнительный директор Лагеря полукровок. Он бы ни за что не вышел с нами на контакт, если только не случилось что-то серьезное.

– Что он сказал?

– Он считает… возможно, сейчас тебе небезопасно возвращаться в лагерь. Может быть, придется отложить твой отъезд.

– Отложить? Мам, да что в этом опасного? Я – полукровка! Для меня это вроде как единственное безопасное место в мире!

– Обычно так и было, милый. Но, учитывая проблемы, с которыми мы столкнулись…

– Какие проблемы?

– Перси… Мне очень, очень жаль. Я надеялась поговорить с тобой об этом сегодня днем. Сейчас я не могу объяснить тебе всего. Я даже не уверена, что Хирон может это объяснить. Все произошло слишком быстро.

Голова у меня пошла кругом. Как я мог не поехать в лагерь? Мне хотелось задать миллион вопросов, но, прежде чем я успел открыть рот, на лестнице загромыхали тяжелые шаги.

Глаза у мамы округлились.

– Который час?.. – Она схватила со стола наручные часы. – Семь пятнадцать! Ты забыл, что должен был встретить его на улице.

– Неужели опять? – Я подскочил как ошпаренный и кинулся в гостиную, на время совершенно позабыв обо всех своих проблемах.

– Скорее! – подгоняла бежавшая следом мама. – Нельзя допустить, чтобы он…

Слишком поздно.

Едва мы влетели в гостиную, наш гость забарабанил во входную дверь: ТУК, ТУК, БУУУМ!

Дверь сорвало с петель, и она с глухим стуком приземлилась на ковер. В дверном проеме стоял мой друг, Тайсон, и вид у него был смущенный.

– Оооой, – пробормотал он. – Простите, миссис Джексон.

Мама принужденно улыбнулась, хотя Тайсон высаживал нам дверь уже как минимум в десятый раз. В стене вокруг дверного косяка уже живого места не оставалось после того, как штатный ремонтник заново крепил петли.

– Ничего, Тайсон, милый, – пробормотала мама. – Ты не виноват.

На самом деле это правда. Тайсон не может контролировать свою силу. Если вы разозлитесь на него за то, что он нечаянно поломал ваши вещи, он только расплачется, а уж тогда переломает еще больше: фарфор, мебель, кирпичные стены.

– Не хочешь ли позавтракать? – предложила мама. – Я испекла дополнительную порцию вафель.

Тайсон просиял:

– Вафли! Ура!

Он неуклюже протиснулся следом за ней на кухню и принялся поедать сложенные горкой вафли (каждая размером с крышку от обувной коробки).

Пожалуй, надо кое-что пояснить про Тайсона.

Тайсон – единственный бездомный ребенок в подготовительном колледже Меривезер. Насколько мы с мамой могли судить, родители его бросили, когда он был еще малышом, вероятно, из-за того, что он слишком… отличался от других. Росту в нем шесть футов и три дюйма, а сложением он смахивает на снежного человека, но он вечно рыдает и пугается всего подряд, включая собственное отражение. Физиономия у него уродливая и довольно зверская. Не могу вам сказать точно, какого цвета у него глаза, потому что всякий раз, когда мой взгляд поднимается до его кривых зубов, то там и останавливается. Он носит драные джинсы, грязные кроссовки пятьдесят пятого размера и клетчатую фланелевую рубашку, всю в дырах. Пахнет от него, как от обитателя какого-нибудь нью-йоркского проулка, потому что в таком закутке рядом с 72-й улицей он и живет в коробке из-под холодильника

В школу Меривезер его приняли в рамках проекта добровольной помощи, так, чтобы все остальные ученики могли лишний раз порадоваться за себя. К сожалению, почти все они терпеть не могли Тайсона. Стоило им обнаружить, что, несмотря на свои габариты, силу и страшную образину, он тот еще тюфяк, как они начали получать огромную радость, издеваясь над беднягой. Я был его лучшим другом, а значит, он был моим единственным другом.

Мама сто раз жаловалась в школе, что они недостаточно ему помогают. Она звонила в социальные службы, но вряд ли это что-то изменило. Социальные работники заявляли, что Тайсона не существует. Они клялись и божились, что побывали в описанном нами переулке и не смогли найти мальчика, хотя у меня в голове не укладывается, как можно просмотреть здоровенного парня, живущего в коробке из-под холодильника.

Пока Тайсон лопал вафли, мама принесла кое-какую одежду из «Гудвилля»[1 - Goodwill Industries International – благотворительная организация, на базе которой создаются магазины, торгующие подержанными вещами. – Прим. пер.] размера XXXL, которую раздобыла специально для него, и тихонько запихала в его рюкзак, добавив еще двадцатидолларовую банкноту.

Я все еще потрясенно обдумывал ее слова. Я умирал от желания спросить, что стряслось в лагере, но сделать этого не мог, пока рядом Тайсон. Я смотрел, как он ест, ест, ест, и тихо сходил с ума.

Наконец мама сказала:

– Лучше вам отправляться, мальчики. Уже семь тридцать пять.

Тайсон отвалился от стола. Он по уши перепачкался синими вафельными крошками и сиропом.

– Вкуснотища! Спасибо, миссис Джексон. К школе готов!

Он так хлопнул меня по спине, что у меня чуть глаза из орбит не вылетели.

– До свидания, мальчики, – напутствовала нас моя мама. – Осторожнее по дороге.

Уже в дверях я обернулся:

– Мам, насчет…

– Сегодня днем, милый. – Мама непреклонно покачала головой. В ее голосе промелькнула грусть. – Позже у нас будет время поговорить.

Мы с мамой сказали друг другу «пока», и я вместе с Тайсоном побежал вниз по лестнице, чтобы успеть на поезд линии «2»[2 - Вторая линия Седьмой авеню – экспресс-маршрут нью-йоркского метрополитена. – Прим. пер.].

Тогда я еще не знал, что мы с мамой так и не сможем поговорить сегодня днем.

Вообще-то начиная с того утра я не возвращался домой еще очень, очень долго.

Когда мы с Тайсоном спустились вниз, я мельком взглянул на здание из красно-коричневого камня на противоположной стороне улицы. Всего на одно мгновение я увидел темное пятно в ярком солнечном свете утра – человеческий силуэт на кирпичной стене, тень, которую никто не отбрасывал.

Затем она дрогнула и исчезла.

Глава вторая

Я играю в вышибалы с каннибалами

День начался как обычно. Ну, во всяком случае, настолько обычно, насколько возможно в подготовительном колледже Меривезер.

Видите ли, это одна из тех «педоцентрических» школ Нижнего Манхэттена, в которых ученики сидят не за партами, а на больших круглых подушках, им не ставят оценки, а учителя носят на работе джинсы и футболки с рок-концертов.

Меня это полностью устраивает. Я имею в виду, у меня СДВГ[3 - Синдром дефицита внимания и гиперактивности. – Прим. пер.] и дислексия, как у большинства полукровок, так что в обычных школах я никогда особо не блистал, пока меня не вышибали. Единственное, что в школе Меривезер плохо, так это то, что учителя постоянно смотрят на светлые стороны явления, а дети не всегда… ну, светлые.

Взять хотя бы первый урок, английский. Все, от 10 до 14 лет, прочитали эту книжку – «Повелитель мух», ту, в которой ребята попали на необитаемый остров и свихнулись. Так что в качестве последнего экзамена нас отправили на задний двор, чтобы мы провели целый час без присмотра взрослых и посмотрели, что из этого получится. Получились массовое соревнование по натягиванию на голову трусов между семиклассниками и восьмиклассниками, две драки, участники которых швырялись камнями, и бейсбольный матч без правил. Большую часть этих мероприятий возглавлял главный школьный забияка Мэтт Слоун.

Слоун не отличался ни ростом, ни силой, но вел себя так, будто наделен и тем и другим. У него были глаза как у питбуля и лохматые черные волосы, одевался он всегда дорого, но неряшливо, потому что хотел, чтобы все видели, как мало его волнуют фамильные денежки. Один из его передних зубов был сколот: напоминание о том, как он поехал покататься на папочкином «Порше» и влетел в знак «Осторожно – дети!».

В общем, Слоун развлекался (подкрадывался к жертве сзади и пытался натянуть ей на голову ее собственные трусы), пока не добрался до Тайсона. Тот запаниковал, попытался отмахнуться от обидчика, но не рассчитал силу. Слоун пролетел пятнадцать футов над игровой площадкой и застрял в автомобильной покрышке, на которой обычно качаются малыши.

– Ты урод! – завопил Слоун. – Почему бы тебе не вернуться к своей картонной коробке?!

Тайсон разрыдался. Он сел на конструкцию для лазания (прутья под ним погнулись) и закрыл голову руками.

– Возьми свои слова назад, Слоун! – крикнул я.

Слоун только ухмыльнулся:

– А тебе что за дело, Джексон? Если бы ты вечно не поддерживал этого придурка, мог бы и друзей завести.

Я сжал кулаки, надеясь, что мое лицо покраснело не слишком сильно (хотя ощущения говорили об обратном).

– Он не урод. Он просто…

Я пытался придумать, как правильно выразить свою мысль, но Слоун не слушал. Он помирал со смеху вместе со своими мерзкими здоровыми дружками. Интересно, у меня разыгралось воображение или обычно рядом со Слоуном болталось меньше тупиц, чем сегодня? Я привык, что рядом с ним всегда двое-трое прилипал, но сегодня их было примерно человек на шесть больше, и я совершенно уверен, что никогда прежде не видел никого из них.

– Ну, погоди, дождемся физры, Джексон, – посулил Слоун. – Считай, ты покойник.

Когда первый урок закончился, наш учитель английского мистер де Мило вышел на улицу проверить, чем закончилось побоище. И вынес вердикт: все мы прекрасно усвоили «Повелителя мух». Все мы прослушали его курс и никогда, никогда не должны вырасти жестокими людьми. Мэтт Слоун с серьезным видом кивнул, а потом одарил меня щербатой усмешкой.

Пришлось пообещать Тайсону, что я куплю ему дополнительный сэндвич с арахисовым маслом, только после этого его рыдания поутихли.

– Я… Я урод? – выдавил он.

– Нет, – заверил я, скрипя зубами. – Это Мэтт Слоун урод.

Тайсон хлюпнул носом.

– Ты хороший друг. Буду по тебе скучать, если… если я не смогу…

Его голос задрожал. Я осознал, что он не уверен, пригласят ли его сюда на будущий год в рамках проекта добровольной помощи. Интересно, директор хоть раз поговорил с ним об этом или ему было недосуг?

– Не волнуйся, здоровяк, – пробормотал я. – Все будет хорошо.

Тайсон посмотрел на меня с такой благодарностью, что я почувствовал себя последним лжецом. Как я мог пообещать парню вроде него, что все будет

хорошо?

* * *

Следующий экзамен был по естествознанию. Миссис Тесла велела нам смешивать химикаты, пока мы не сумеем что-нибудь взорвать. Мне в партнеры достался Тайсон. Его руки были слишком большими для крошечных пробирок, которые нам предстояло использовать. Он случайно столкнул с лабораторного стола лоток с химикатами, и над мусорным ведром образовалось маленькое оранжевое облако в форме гриба.

После того как миссис Тесла эвакуировала нас из лаборатории и вызвала команду уборщиков опасного для здоровья мусора, она похвалила нас с Тайсоном, так как мы проявили себя истинными химиками. Мы оказались первыми на ее памяти асами, умудрившимися сдать экзамен спустя тридцать секунд после его начала.

Меня радовало, что утренние события быстро сменяют друг друга, потому что это отвлекало от размышлений о проблемах.

Мысль, что с лагерем, возможно, что-то случилось, жгла меня каленым железом. Хуже того, я не мог вытряхнуть из памяти страшный сон. Меня не оставляло чувство, что Гроувер в опасности…

На обществознании, пока все чертили карты, путаясь в широте/долготе, я открыл свою записную книжку и разглядывал спрятанную внутри фотографию моей подруги Аннабет, сделанную на каникулах в Вашингтоне, округ Колумбия. На девочке были джинсы и такая же куртка, надетая поверх оранжевой футболки с надписью: «Лагерь полукровок». Светлые волосы спрятаны под банданой. Она стояла, скрестив руки, перед мемориалом Линкольна и выглядела чрезвычайно довольной собой, будто лично разрабатывала план комплекса. Понимаете, Аннабет, когда вырастет, хочет стать архитектором, так что она постоянно осматривает знаменитые памятники и все такое прочее. Это ее пунктик. Она прислала мне фото по электронной почте после весенних каникул, и я время от времени поглядывал на него, чтобы убедиться: Лагерь полукровок не плод моего воображения.

Хотел бы я, чтобы Аннабет была здесь. Она бы знала, как истолковать мой сон. Я бы никогда ей в этом не признался, но она умнее меня, хоть иногда и ведет себя как зануда.

Я уже хотел закрыть свою записную книжку, как вдруг Мэтт Слоун протянул руку и вырвал из ежедневника фотографию.

– Эй! – возмутился я.

Слоун глянул на снимок и вытаращил глаза.

– Быть того не может, Джексон. Кто это? Неужели, это твоя…

– Отдай! – Я почувствовал, как у меня краснеют уши.

Слоун передал карточку своим мерзким дружкам, и те, хихикая, принялись рвать ее на кусочки и делать из них бумажные шарики, чтобы плеваться. Новые ребята, наверное, явились сюда для ознакомления со школой, потому что все они носили идиотские значки «Привет! Меня зовут…», явно выданные в приемном отделении. Чувство юмора у них, должно быть, тоже было своеобразное, потому что на значках они написали странные имена вроде: МОЗГО ЕД, ПОЖИРАТЕЛЬ ЧЕРЕПОВ и ВАМПИ РЮГА. Ни у одного человеческого существа не может быть подобного имени.

– Эти парни переводятся сюда в следующем году, – похвастался Слоун, как будто это могло меня напугать. – Держу пари, они-то в отличие от твоего приятеля-дебила смогут оплатить обучение.

– Он не дебил. – Я изо всех сил сдерживался, чтобы не дать Слоуну по морде.

– Ну ты и неудачник, Джексон. Твое счастье, что на следующем уроке я тебя прикончу, чтобы не мучился.

Его здоровенные прихлебатели жевали обрывки моей фотографии. Мне хотелось стереть их в порошок, но Хирон строго-настрого запретил мне вымещать злость на простых смертных, и неважно, насколько они вредные.

И все равно часть меня прикидывала: если бы только Слоун знал, кто я такой на самом деле…

Раздался звонок.

Когда мы выходили из класса, девчачий голос прошептал: «Перси!»

Я посмотрел вокруг, но никто не обращал на меня никакого внимания. Любая девчонка в школе Меривезер скорее умерла бы на месте, чем назвала меня по имени.

Не успел я толком поразмыслить, не примерещилось ли мне, толпа детей понеслась в спортзал, увлекая с собой и нас с Тайсоном. Пришло время физкультуры. Наш тренер пообещал, что все желающие будут играть в вышибалы, а Мэтт Слоун пообещал меня убить.

* * *

Спортивная форма школы Меривезер состояла из шортов небесно-голубого цвета и футболок, окрашенных в радужные спирали. К счастью, большую часть упражнений мы выполняли в помещении, так что нас избавили от необходимости бегать трусцой по микрорайону Трайбека как этакие хипповатые детишки-салаги.

В раздевалке я переоделся так быстро, как смог, потому что не хотел связываться со Слоуном. Я уже собирался выходить, когда меня позвал Тайсон:

– Перси?

Он еще не переоделся и стоял в дверях тренажерного зала, прижимая к груди свою форму.

– Ты не мог бы… эээ…

– О да. – Я постарался, чтобы в голосе не прозвучало раздражение. – Конечно, старик.

Тайсон нырнул в тренажерку. Я стоял на стреме, пока он переодевался.

Чувствовал я себя при этом неловко, хотя мне было не впервой. Понимаете, Тайсон ужасно стесняется, когда дело доходит до переодевания. Думаю, это из-за того, что он весь покрыт волосами, а на спине у него странные шрамы. Мне никогда не хватало духу спросить, откуда они взялись.

В общем, я на горьком опыте убедился, что, если дразнить Тайсона во время переодевания, он расстраивается и начинает вырывать дверцы из школьных шкафчиков.

Когда мы пришли в спортзал, тренер Нанли сидел за своим столиком, почитывая «Спортс иллюстрейтед». Представьте себе столетнего деда, в бифокальных очках, без единого зуба, с сальными седыми волосенками. Он напоминал мне Оракула из Лагеря полукровок – этакая сморщенная мумия, вот только тренер Нанли гораздо меньше двигался и не извергал зеленый дым. По крайней мере я за ним такого не замечал.

Мэтт Слоун спросил:

– Тренер, можно я буду капитаном?

– Ась? – Тренер Нанли оторвался от своего журнала. – Мда, – прошамкал он. – Мм-хмм.

Слоун усмехнулся и стал формировать команды. Меня он назначил капитаном второй команды, но мне выбирать было особо не из кого: все качки и популярные ребята хотели играть за Слоуна. Как и многолюдная группа посетителей.

Со мной остались Тайсон, Кори Бэйлер, повернутый на компьютерах, Радж Мандали, дока в математике, и еще человек шесть ребят, которых обычно дразнили. В другое время мне бы хватило одного Тайсона. Он сам по себе стоил половины команды. Но посетители в команде Слоуна подобрались почти такие же высокие, они казались сильными, а их было шестеро.

В центре зала Мэтт Слоун высыпал из сетки мячи.

– Страшно, – бормотал Тайсон. – Странно пахнет.

Я посмотрел на него.

– Что странно пахнет? – В самом деле, не о себе же он говорит?

– Они. – Тайсон показал пальцем на новых дружков Слоуна. – Странно пахнут.

Посетители с хрустом разминали кулаки, поглядывая на нас, как мясник на корову, которую собирается забить. Я все недоумевал, откуда они взялись. Наверное, из мест, где детей кормят сырым мясом и лупят палками?

Слоун дунул в тренерский свисток, и игра началась.

Команда Слоуна устремилась к центру поля. Рядом со мной Радж Мандали прокричал что-то на урду, вероятно, «Мне надо на горшок!», и припустил к выходу. Кори Бэйлер попытался забиться за настенный гимнастический мат и спрятаться. Остальные игроки моей команды сжались от страха, изо всех сил стараясь не походить на мишени.

– Тайсон, – сказал я, – впере…

Мяч впечатался мне в живот. Я с размаху приземлился на пятую точку прямо посередине зала. Команда противника разразилась хохотом.

Глаза заволокло туманом. Судя по ощущениям, в меня только что запулили пушечным ядром. С трудом верится, что человек мог произвести такой мощный бросок.

Тайсон завопил:

– Перси, пригнись!

Я едва успел увернуться от нового мяча, со скоростью звука просвистевшего у меня над ухом.

ВУУУХ!

Мяч врезался в настенный мат, и Кори Бэйлер взвизгнул.

– Эй! – завопил я, обращаясь к команде Слоуна. – Вы же могли кого-нибудь убить!

Посетитель по имени Вампи Рюга одарил меня злобной усмешкой. Почему-то теперь он казался выше ростом… даже выше Тайсона. Под футболкой у него бугрились мускулы бицепсов.

– Очень на это надеюсь, Персей Джексон! Очень надеюсь!

От того, как он произнес мое имя, у меня пробежал мороз по коже. Никто не называл меня Персеем, кроме тех, кто знал о моей истинной личности. Кроме друзей… и врагов.

Что там говорил Тайсон? Они странно пахнут.

Чудовища.

Посетители, окружавшие Мэтта Слоуна, росли на глазах. Они сбросили личины детей. Теперь их рост достигал восьми футов, глаза горели, зубы заострились; на покрытых шерстью руках красовались татуированные змеи, гавайские танцовщицы и проткнутые стрелами сердца.

Мэтт Слоун уронил мяч.

– Ух ты! Вы не из Детройта! Кто…

Остальные ребята из его команды завопили и побежали к выходу, но великан по имени Мозго Ед с убийственной точностью метнул им вслед мяч. Тот пролетел мимо Раджа Мандали, когда тот уже собирался выскочить вон, ударился в дверь и захлопнул ее, как по волшебству. Радж и часть других ребят в отчаянии принялись колотить в дверь, но она не сдвинулась с места.

– Отпустите их! – заорал я на великанов.

Громила по имени Вампи Рюга злобно на меня зыркнул. Татуировка на его предплечье гласила: «ВР + Пироженка = любовь».

– И упустить наши вкусные лакомые кусочки? Нет, сын морского бога, мы, лестригоны[4 - Лестригоны – великаны-людоеды.], рисковали не только для того, чтобы тебя прикончить. Мы хотим получить обед!

Он взмахнул рукой, и на центральной линии поля появилась новая партия мячей, но сделанных вовсе не из красной резины. Бронзовые, размером с пушечное ядро, испещренные отверстиями, как мячи для гольфа, вот только изнутри сквозь отверстия вырывались языки пламени. Наверное, они здорово раскалились, однако великаны поднимали их голыми руками.

– Тренер! – завопил я.

Нанли сонно на нас поглядел, но если и увидел что-то паранормальное в вышибалах, то не подал виду. Это один из главных недостатков смертных. Они не видят подлинную природу вещей. Волшебный туман скрывает от их взора чудовищ и богов.

– Мда. Мм-хмм, – пробормотал тренер. – Ну, играйте, играйте.

И он вновь погрузился в чтение журнала.

Великан по имени Пожиратель Черепов швырнул свой мяч. Я ласточкой отпрыгнул в сторону, и пылающая бронзовая комета пролетела совсем рядом с моим плечом.

– Кори! – пронзительно закричал я.

Тайсон вытащил этого недотепу из-за настенного мата, но мяч взорвался совсем рядом, и мат разнесло на дымящиеся клочки.

– Бегите! – велел я своим товарищам по команде. – К другому выходу!

Игроки побежали в раздевалку, но по мановению руки Вампи Рюги та дверь тоже захлопнулась.

– Никто не уходит, пока мы его не вышибем! – проревел Вампи Рюга. – А кого вышибем – съедим!

И он, в свою очередь, метнул пылающий мяч. В центре зала образовалась воронка, и моих товарищей по команде разметало в разные стороны.

Я хотел достать из кармана Анаклузмос, с которым никогда не расставался, но вспомнил, что сейчас на мне спортивные шорты. А в них нет карманов. Анаклузмос остался в кармане джинсов в раздевалке. А дверь туда закрыта. Я абсолютно беспомощен.

Ко мне летел новый пылающий снаряд. Тайсон оттолкнул меня с траектории его полета, но жар от взрыва все равно обдал меня с ног до головы. Я распластался на полу, от дыма кружилась голова, моя футболка теперь представляла собой сплошные прожженные дыры. А прямо у центральной черты стояли двое великанов и пожирали меня глазами.

– Мясо! – заревели они. – Мясо героя на обед!

Оба великана прицелились.

– Перси нужна помощь! – завопил Тайсон и, когда чудовища метнули мячи, прыгнул вперед и закрыл меня собой.

– Тайсон! – крикнул я. Слишком поздно.

Оба снаряда попали в цель… погодите-ка, нет… он их поймал. Тайсон, всегда такой неуклюжий, вечно сбивавший со столов лабораторный инвентарь и ломавший металлические конструкции на игровой площадке, поймал два пылающих мяча, летящих в него с космической скоростью. А потом он с силой швырнул их обратно, прямо в их изумленных хозяев. Те взвыли: «ПЛОООХООО!» – а потом бронзовые сферы поразили их в грудь и взорвались.

Великаны исчезли, превратившись в два одинаковых огненных столба – верный признак, что это чудовища, ага. Чудовища не умирают, они просто развеиваются, становясь дымом и прахом, что позволяет героям экономить время на уборке после битв.

– Мои братья! – взвыл людоед Вампи Рюга. Он напряг мускулы, и его татуировка с Пироженкой пошла рябью. – Ты заплатишь за то, что уничтожил их!

– Тайсон! – предупредил я. – Берегись!

Очередная комета с шумом понеслась к нам. Тайсон только успел сбить ее в сторону. Она пролетела точнехонько над головой тренера Нанли, так близко, что у него загорелись волосы, и с оглушительным «БА-БАХ!» врезалась в трибуну.

Вокруг с воплями бегали дети, стараясь не свалиться в дымящиеся кратеры в полу. Другие барабанили в дверь и звали на помощь. Сам Слоун застыл в центре зала, оцепенев от ужаса, и только неверяще смотрел, как мимо летают смертоносные шары.

Тренер Нанли по-прежнему ничего не замечал, хотя его волосы полыхали. Он постукивал по своему слуховому аппарату, как будто гул взрывов ему досаждал, но не отрывал взгляда от журнала.

Уверен, шум слышала вся школа. Директор, полиция, кто-то обязательно придет и поможет нам.

– Победа будет за нами! – прорычал каннибал Вампи Рюга. – Мы попируем на ваших костях!

Я хотел ему сказать, что не стоит так серьезно относиться к игре в вышибалы, но не успел – он поднял новый шар. Три других великана последовали его примеру.

Кажется, нам конец. Тайсон не сможет отбить все эти мячи разом. Наверное, он уже и так здорово обжег руки, когда поймал первые снаряды. Без моего меча…

У меня появилась безумная идея.

Я побежал к раздевалке.

– Шевелитесь! – велел я товарищам по команде. – Прочь от двери.

Взрывы за моей спиной. Тайсон отбил два мяча в их же хозяев и сжег их дотла.

То есть остались еще два великана.

Третий шар летел прямо в меня. Я заставлял себя ждать, отсчитывая секунды: одна, две, а потом метнулся в сторону, и огненная сфера снесла дверь в раздевалку.

Я полагал, что концентрация газов в раздевалке мальчиков достаточно высокая, чтобы вызвать взрыв, так что совершенно не удивился, когда пылающий шар взорвался с оглушительным «БУУУУУУМ!».

Стена разлетелась на куски. Двери от шкафчиков, носки, спортивные бандажи и прочие малоприятные личные вещи дождем посыпались в спортзал.

Обернувшись, я увидел, что Тайсон бьет Пожирателя Черепов по морде. Великан рухнул, но последний оставшийся на ногах монстр Вампи Рюга предусмотрительно приберег свой шар, выжидая удобного момента. И метнул свой снаряд, когда Тайсон только начал поворачиваться.

– Нет! – завопил я.

Шар ударил Тайсона прямо в грудь. Мой приятель пролетел через весь зал и врезался в стену, так что она треснула и частично обвалилась; образовался дополнительный выход прямо на Черч-стрит. Не представляю, как Тайсон мог выжить, но он всего лишь выглядел оглушенным. На груди у него дымился бронзовый шар. Тайсон попытался поднять его, потом закатил глаза и завалился назад (и немудрено, ему на голову свалилась куча кирпичей).

– Ну что?! – торжествовал Вампи Рюга. – Я выиграл! И получу кучу свежего мясца навынос для моей Пироженки!

Он подобрал новый шар и прицелился в Тайсона.

– Стой! – закричал я. – Тебе же нужен я!

Великан оскалился в усмешке:

– Хочешь умереть первым, юный герой?

Нужно было что-то делать. Наверняка Анаклузмос где-то здесь, рядом.

И тут я заметил свои джинсы: они торчали из дымящейся груды одежды прямо у великана под ногами. Если бы только я сумел туда добраться…

Это самоубийство, но я решил рискнуть.

Великан захохотал.

– Обед сам ко мне идет.

Он занес руку, прицеливаясь. Я приготовился умереть.

Вдруг тело великана застыло. Вместо злорадства на его физиономии проступило изумление. Его майка лопнула, а прямо в центре его живота выросло нечто, напоминающее рог… нет, не рог, а сверкающее острие лезвия.

Шар выпал из его руки. Монстр уставился на нож, только что проткнувший его насквозь.

И пробормотав «ой», вспыхнул зеленым пламенем и исчез. Полагаю, Пироженка будет очень расстроена.

Когда дым немного рассеялся, я увидел свою подругу Аннабет. Лицо у нее было перепачканное и исцарапанное. На плече у нее висел потрепанный рюкзак, из кармана торчала бейсбольная кепка, в руке она сжимала бронзовый нож, а в глазах цвета грозового неба застыло диковатое выражение, как будто она пробежала тысячу миль и всю дорогу за ней гнались привидения.

Мэтт Слоун, который так и простоял все сражение ошарашенный, наконец пришел в себя. Он увидел Аннабет, заморгал, как будто пытался вспомнить, где же он ее видел.

– Это та девчонка… с фотографии… девчонка…

Аннабет врезала ему по носу, отправив в нокаут.

– А ты, – рявкнула она, – не смей запугивать моего друга.

Спортзал был охвачен огнем. Дети все еще бегали туда-сюда и пронзительно вопили. Я слышал, как завывают сирены и как кто-то переговаривается по рации. Сквозь стекла в дверях запасного выхода было видно, как директор, мистер Бонсай, сражается с замком, а у него за спиной сгрудилась толпа учителей.

– Аннабет, – пробулькал я. – Как ты… как давно ты уже…

– Да уже, считай, целое утро. – Приятельница вложила оружие в ножны. – Я все пыталась улучить момент и поговорить с тобой, но ты постоянно был окружен людьми.

– Тень, которую я видел этим утром, это была… – Я покраснел. – О, боги мои, ты что, заглядывала в окно моей спальни?

– Нет времени объяснять! – отрезала она, тоже слегка краснея. – Я просто не хотела…

– Наконец-то! – взвизгнула какая-то женщина. Двери распахнулись, и в открывшийся проем хлынули взбудораженные взрослые.

– Встретимся снаружи, – сказала Аннабет. – И он. – Она указала на Тайсона, все так же осоловело сидевшего у стены. Аннабет одарила его довольно неприязненным взглядом, что меня крайне озадачило. – Лучше и его возьми.

– Что?

– Нет времени! – рассердилась девочка. – Скорее!

Она надела свою бейсболку с логотипом «Янкиз»[5 - «Нью-Йорк Янкиз» (англ. New York Yankees) – профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в одном из пяти районов города Нью-Йорка Бронксе.] – волшебный подарок ее мамы – и в следующее мгновение исчезла.

Так что я стоял один посреди полыхающего спортзала, а ко мне на всех парах мчалась половина преподавательского состава во главе с директором и парой полицейских.

– Перси Джексон? – начал мистер Бонсай. – Что… как…

Из пролома в стене раздался стон, и показался Тайсон, балансировавший на груде кирпичей.

– Голова болит.

Мэтт Слоун тоже очухался. Он сфокусировал на мне взгляд, и в его глазах появился ужас.

– Это Перси устроил, мистер Бонсай! Он все здесь поджег! Спросите у тренера Нанли! Он все видел!

Тренер Нанли все так же прилежно читал свой журнал, но, на мое несчастье, услышав свое имя, именно в эту минуту поднял голову и пробурчал:

– Ась? Мда. Мм-хмм.

Остальные взрослые повернулись ко мне. Я знал, они ни за что мне не поверят, даже если я расскажу им правду.

Я вытащил Анаклузмос из лохмотьев, некогда бывших моими джинсами, бросил Тайсону «идем!» и выпрыгнул на улицу через пролом в стене.

Глава третья

Мы ловим такси вечных мук

Аннабет ждала нас в переулке, отходящем от Черч-стрит. Едва она затащила нас с Тайсоном за угол, как по улице в сторону школы Меривезер, завывая, промчалась пожарная машина.

– Где ты его нашел? – поинтересовалась она, указывая на Тайсона.

При других обстоятельствах я был бы страшно рад ее видеть. Прошлым летом мы помирились, хотя ее мать, богиня Афина, не очень-то ладила с моим отцом. Я скучал по Аннабет, возможно, даже сильнее, чем сам это осознавал.

Но я только что пережил нападение великанов-людоедов, Тайсон спас мне жизнь (раза три или даже четыре), а Аннабет только зыркает на него, как будто это он во всем виноват.

– Он мой друг, – ответил я.

– Он что, бездомный?

– Какое это имеет значение? Он тебя слышит, между прочим. Почему бы тебе не спросить у него самого?

Девочка, казалось, была удивлена:

– Он умеет говорить?

– Я разговариваю, – признал Тайсон. – Ты очень хорошенькая.

– Ай! Какая гадость! – отшатнулась от него Аннабет.

У меня в голове не укладывалось, что девочка может так ужасно себя вести. Я осмотрел руки Тайсона, будучи уверенным, что они все в страшных ожогах от пылающих шаров-вышибал. Ничего подобного. Перепачканные, заскорузлые

ладони, грязные ногти, каждый диаметром с небольшую картофелину, но они всегда так выглядели.

– Тайсон, – сказал я недоверчиво, – ты даже не обжегся.

– Ну, разумеется, он не обжегся, – проворчала Аннабет. – Удивительно, как это у лестригонов хватило духу напасть на тебя, когда он находился поблизости.

Тайсон, кажется, был околдован светлыми волосами Аннабет. Он попытался дотронуться до них, но девочка шлепнула его по руке.

– Аннабет, – не выдержал я, – о чем ты говоришь? – Лестри-кто?

– Лестригоны. Чудовища в спортзале. Они из племени великанов-людоедов, которое обитает далеко на севере. Одиссей однажды с ними столкнулся, но я еще никогда не видела, чтобы они забирались так далеко на юг. Надо же, каннибалы в Нью-Йорке!

– Лестри… я не могу даже выговорить это слово. А в английском языке для них есть название?

Аннабет призадумалась и решительно сказала:

– Канадцы. А теперь поторопимся, нужно отсюда выбираться.

– Меня будет искать полиция.

– Это наименьшая из наших бед, – вздохнула девочка. – Ты видел сны?

– Сны про… про Гроувера?

Аннабет побледнела:

– Гроувер? Нет. Что с ним?

Я пересказал свой сон.

– Так в чем дело? Что приснилось тебе?

Взгляд у нее затуманился, как будто мысли ее унеслись далеко-далеко отсюда.

– Лагерь, – наконец ответила она. – Большие неприятности в лагере.

– Моя мама говорила то же самое! Но какие именно неприятности?

– Я точно не знаю. Что-то не так. Нужно немедленно отправляться туда. Всю дорогу из Вирджинии меня преследовали чудовища, пытаясь остановить. Много раз на тебя нападали?

Я покачал головой:

– Ни разу за весь год… до сегодняшнего дня.

– Ни разу? Но как… – Она покосилась на Тайсона. – Ой.

– Что значит «ой»?

Тайсон тянул руку, как отличник за партой.

– Те канадцы в спортзале назвали Перси… сыном морского бога?

Мы с Аннабет переглянулись.

Я не представлял, какими словами буду объясняться, но после того, как Тайсона едва не убили, он заслуживал того, чтобы узнать правду.

– Послушай, здоровяк, – начал я издалека, – ты когда-нибудь слышал старые истории про греческих богов? Типа Зевса, Посейдона, Афины…

– Ага, – кивнул Тайсон.

– В общем… те боги до сих пор живы. Они вроде как следуют за западной цивилизацией, живут в самых сильных странах, так что сейчас, к примеру, они переселились в США. А иногда они влюбляются в смертных, и тогда у них рождаются дети. Таких детей называют полукровками.

– Ага, – кивнул Тайсон с таким видом, будто все ждал: когда же я перейду от пустой болтовни к сути.

– Так вот, Аннабет и я – полукровки, – закончил я. – Мы вроде как герои-студенты. И как только чудища нас учуют, то сразу на нас нападают. Так что те великаны в спортзале на самом деле чудовища.

– Ага.

Я вытаращил глаза. Казалось, мой приятель совсем не удивлен и не смущен моим рассказом (в отличие от меня самого).

– Так… ты мне веришь?

Тайсон кивнул.

– Но ты… сын морского бога?

– Угу, – признался я. – Мой отец – Посейдон.

Тайсон нахмурился. Вот теперь он казался смущенным.

– Но тогда ведь…

Где-то взвыла сирена. Мимо переулка промчалась полицейская машина.

– У нас нет на это времени, – заявила Аннабет. – Поговорим в такси.

– Мы что, проделаем на такси весь путь до лагеря? – изумился я. – Ты хоть представляешь, сколько на это надо дене…

– Доверься мне.

Я колебался:

– А что делать с Тайсоном?

Я представил, как привожу своего здоровенного друга в Лагерь полукровок. Если уж он так выпендривается на обычной игровой площадке, где и хулиганы обычные, как же тогда он себя поведет в тренировочном лагере для полубогов? С другой стороны, нас будут искать копы…

– Нельзя просто бросить его, – решил я. – У него тоже будут неприятности.

– Да уж, – мрачно кивнула Аннабет. – Мы определенно должны прихватить его с собой. А теперь вперед!

Мне не понравился ее тон, как будто Тайсон – заразный больной, которого надо поскорее запереть в больнице, но я без возражений двинулся по улице следом за Аннабет. Втроем мы крались боковыми улицами, а за нашими спинами дым стоял столбом – догорал спортзал моей бывшей школы.

* * *

– Пришли, – Аннабет сделала нам знак остановиться на пересечении Томас и Тримбл-стрит и принялась рыться в своем рюкзаке. – Надеюсь, у меня хоть одна осталась.

Выглядела она даже хуже, чем мне показалось сначала. На подбородке ссадина. Ее «конский хвост» растрепался, из него торчали травинки и веточки, как будто она несколько ночей подряд провела под открытым небом. Порезы на ее джинсах здорово смахивали на следы когтей.

– Что ты ищешь? – спросил я.

Повсюду выли сирены. Мне подумалось, что скоро здесь будут кишмя кишеть копы, разыскивающие малолетних преступников-бомбометателей. Не

сомневаюсь, Мэтт Слоун уже дал показания. И конечно же, перевернул все с ног на голову, представив нас с Тайсоном людоедами-кровопийцами.

– Нашла. Слава богам. – Аннабет вытащила из рюкзака золотую монетку, в которой я опознал драхму, денежную единицу горы Олимп. С одной стороны на ней был вычеканен профиль Зевса, с другой – Эмпайр-стейт-билдинг.

– Аннабет, – заметил я, – нью-йоркские таксисты такое не примут.

– Anakoche, harma epitribeios! – закричала Аннабет на древнегреческом.

Она говорила на языке Олимпа, и я понимал каждое слово. Она сказала: «Стой, про€клятая колесница!»

Впрочем, особого восторга от ее плана я не ощутил.

Аннабет швырнула монетку на мостовую, но, вместо того чтобы со звоном приземлиться на асфальт, золотой кругляш прошел сквозь дорожное покрытие и исчез.

Несколько секунд ничего не происходило.

Затем в том месте, куда должна была бы упасть драхма, асфальт потемнел и расплавился, образовалась прямоугольная яма размером с парковочное место, в которой кипела и булькала красная, как кровь, жидкость. Потом из этой массы воздвиглась «колесница».

Она имела форму такси. Вот только обычные нью-йоркские такси желтые, а это было дымчато-серое. Я хочу сказать, оно выглядело так, словно было соткано из дыма, и казалось, что сквозь него можно пройти как сквозь туман. На двери значилось что-то вроде «СЫЕДЕ ССЕЫРТ», но из-за дислексии я не сумел разобрать, что же там написано.

Боковое стекло рядом с водительским местом опустилось, и наружу высунулась старушка. Седые волосы паклями свисали по обеим сторонам ее лица, закрывая глаза, а говорила она, как-то странно пришепетывая, как будто ей только что вкололи в десну дозу новокаина.

– Подбросить? Подбросить?

– Троих до Лагеря полукровок, – сказала Аннабет. Она открыла заднюю дверь такси и махнула мне рукой, чтобы я забирался внутрь. И все это с таким видом, как будто ничего необычного не происходит.

– Эгей! – проскрипела старушка. – Таких не возим!

Она ткнула костлявым пальцем в сторону Тайсона.

В каком смысле? Сегодня что, день приди-рок-к-большим-и-некрасивым-детям?

– За дополнительную плату, – посулила Аннабет. – Три драхмы сверху, когда прибудем на место.

– Идет! – взвизгнула бабка.

Делать нечего, пришлось забираться внутрь. Следом протиснулся Тайсон, а на оставшемся уголке скорчилась Аннабет.

В салоне тоже все было дымчато-серое, но по крайней мере сиденье под нами оказалось твердым. А еще бугристым и с потрескавшейся обивкой, как почти во всех обычных такси. Правда, не имелось плексигласового экрана, который бы отделял пассажиров от старушки-водителя… Погодите-ка. Впереди сидели целых три старые дамы, все с тонкими седыми прядями волос, закрывавшими глаза, костлявыми руками, одеты они были во вретища угольно-черного цвета.

Та, что сидела за баранкой, сказала:

– Обожаю Лонг-Айленд! Щедрые чаевые! Ха!

Она нажала на педаль газа, и мою голову с размаху вдавило в спинку сиденья. Из динамика зазвучал записанный на пленку голос:

– Привет! С вами Ганимед, виночерпий Зевса, а когда я летаю закупать вино для Владыки небес, то всегда пристегиваюсь!

Я глянул вниз, но вместо ремней безопасности обнаружил широкую черную цепь. И решил, что мне пока и так хорошо. То есть еще не настолько плохо.

Такси на бешеной скорости свернуло с Западного Бродвея, и дама, сидевшая посередине, взвизгнула:

– Осторожно! Бери левее!

– Ну, Буря, если бы ты дала мне глаз, я бы это заметила!

Минуточку. Отдать глаз?

Я не успел ни о чем спросить, потому что дама за рулем резко выкрутила баранку, чтобы избежать столкновения с летящим прямо на нас грузовиком, с душераздирающим «БДЫЩ!» переехала через бордюр тротуара и вырулила в соседний квартал.

– Оса! – окликнула третья дама ту, что сидела за рулем. – Дай-ка мне монету этой девчонки! Хочу попробовать на зуб.

– Ты в прошлый раз пробовала, Злоба! – огрызнулась дама-водитель, которую, должно быть, звали Оса. – Сейчас моя очередь!

– А вот и нет! – взвыла старуха по имени Злоба.

Сидевшая в середине Буря взвизгнула:

– Красный свет!

– Тормози! – завопила Злоба.

Вместо этого Оса нажала на газ; такси въехало на тротуар, под визг покрышек вписалось в следующий поворот и сбило автомат, продающий газеты. Мой желудок остался где-то позади, на Брум-стрит.

– Простите, – решился я. – А вы вообще-то… зрячие?

– Нет! – пронзительно завопила сидевшая за рулем Оса.

– Нет! – вторила ей средняя, Буря.

– Конечно, да! – заверещала Злоба, сидевшая сбоку.

Я поглядел на Аннабет.

– Так они слепые?

– Не совсем, – откликнулась та. – У них есть глаз.

– Один глаз?

– Угу.

– У каждой по глазу?

– Нет. Один на всех.

Рядом со мной Тайсон заохал и вцепился в сиденье.

– Что-то мне нехорошо.

– Ох, старик, – пробормотал я, потому что видел, как Тайсона укачивало в автобусе во время школьных экскурсий – поверьте, если бы вы тоже это видели, то отбежали бы футов на пятьдесят из зоны поражения. – Держись, здоровяк. У кого-нибудь есть пакет для мусора или что-нибудь вроде этого?

Три седые леди слишком увлеклись ссорой и не обратили на меня никакого внимания. Я посмотрел на Аннабет, изо всех сил цеплявшуюся за сиденье, долгим взглядом из серии «как ты могла так со мной поступить?».

– Эй, – сказала она, – такси Седых сестер – самый быстрый способ добраться до лагеря.

– Почему же ты не приехала на нем из Вирджинии?

– Потому что там они не работают, – ответила девочка так, словно это известно всем и каждому. – Они работают только в Большом Нью-Йорке и пригородах.

– В этом такси перебывала куча знаменитостей! – воскликнула Злоба. – Помните Ясона?

– Даже не напоминай! – завопила Оса. – И тогда у нас не было такси, ты, старая летучая мышь. Это было три тысячи лет назад!

– Отдай мне зуб! – Злоба потянулась ко рту Осы, но та ударила товарку по руке.

– Только если Буря отдаст мне глаз!

– Нет! – заверещала Буря. – Ты его вчера брала!

– Но я же за рулем, старая ты ведьма!

– Это все отговорки! Помним про очередность! Сегодня твоя очередь рулить!

Оса круто вывернула руль, и машина свернула на Деланси-стрит, так что я едва не расплющился в лепешку, зажатый между Тайсоном и дверью. Оса прибавила скорости, и мы взлетели на Вильямсбургский мост на скорости семьдесят миль в час.

Теперь три сестры затеяли настоящую драку, обмениваясь оплеухами: Злоба пыталась схватить Осу за лицо, а Оса старалась дотянуться до Бури. Волосы у всех троих развевались, рты раззявились, визг стоял невыносимый; тут я заметил, что сестры беззубы, только у Осы во рту торчал один резец, мшистый и желтый. Вместо глаз у всех троих были пустые глазницы, закрытые ввалившимися веками, только у Злобы имелся единственный налитый кровью глаз с зеленым зрачком, который пялился на все вокруг с такой жадностью, как будто собирался проглотить.

В конце концов Злоба, благодаря глазу имевшая преимущество, сумела выдернуть зуб изо рта Осы. Ограбленная сестра так рассвирепела, что заорала:

«Оддяй! Оддяй!» – и сбилась с прямого курса, так что теперь мы могли вот-вот вылететь с моста.

Тайсон застонал и схватился за живот.

– Простите, что прерываю, – заметил я, – но сейчас мы все умрем!

– Не волнуйся! – сказала Аннабет довольно нервно. – Седые сестры знают, что делают. На самом деле они очень мудрые.

Конечно, это молвила дочь самой Афины, но я не очень-то проникся. Мы неслись по самому краешку моста на высоте сто тридцать футов над проливом Ист-Ривер.

– Да, мудрые! – Злоба оскалила в улыбке только что отвоеванный зуб, глядя на нас через зеркало заднего вида. – Мы много чего знаем!

– Каждую улицу в Манхэттене! – похвасталась Оса, продолжая лупить сестру. – Столицу Непала!

– Место, которое вы ищете! – добавила Буря.

Сестры тут же стукнули ее с двух сторон и завопили:

– Помолчи! Помолчи! Он же еще даже не спросил!

– Что? – переспросил я. – Какое такое место? Я не ищу ника…

– Никакое! – отрезала Буря. – Ты прав, мальчик. Это пустяки!

– Расскажите мне.

– Нет! – хором взвизгнули сестры.

– В последний раз, когда мы подсказали, дело обернулось кошмаром! – заявила Буря.

– Глаз улетел в озеро! – согласилась Злоба.

– Ушли годы, чтобы его найти! – пожаловалась Оса. – Кстати, о глазах. Отдай его обратно!

– Нет! – завопила Злоба.

– Глаз! – выла Оса. – Одай его мне!

И она с силой ударила сестрицу Злобу по спине. Раздалось тошнотворное «чпок», и от лица Злобы что-то отлетело. Злоба попыталась поймать потерю, но вместо того, чтобы схватить, тыльной стороной руки как битой отфутболила это. Скользкое глазное яблоко с зеленым зрачком перелетело через ее плечо и упало прямо мне на колени.

Я подпрыгнул так, что ударился головой о крышу, а глаз куда-то укатился.

– Ничего не вижу! – завопили сестры.

– Отдай мне глаз! – выла Оса.

– Отдай ей глаз! – завизжала Аннабет.

– У меня его нет! – открестился я.

– Вон он у тебя под ногой, – ткнула пальцем девочка. – Не наступи на него! Подними скорее!

– Я не собираюсь брать это в руки!

Такси боком врезалось в ограждение и продолжало ехать с ужасающим металлическим скрежетом. Машину затрясло, она вся окуталась серым дымом, как будто готова была от перегрузки растворитьcя в воздухе.

– Меня сейчас стошнит! – предупредил Тайсон.

– Аннабет, – завопил я, – дай Тайсону свой рюкзак!

– Ты спятил? Подбери глаз!

Оса крутанула руль, и такси отвалило от ограждения. Грохоча и дребезжа, мы понеслись вниз по мосту, в сторону Бруклина, двигаясь быстрее, чем любое человеческое такси. Седые сестры дрались, ругались и требовали вернуть им глаз.

Наконец я собрался с духом. Оторвав кусок от своей радужной футболки – которой и так уже пришел конец из-за прожженных дыр, – я использовал его как салфетку и подобрал с пола глаз.

– Вот умница! – закричала Злоба, неведомо как почуяв, что ее потерявшееся око у меня. – Отдавай скорее!

– Сначала объясните, – потребовал я. – Что именно вы говорили про место, которое я ищу?

– Нет времени! – крикнула Буря. – Мы врубили скорость!

Я выглянул в окно. И правда, деревья, машины и целые районы проносились мимо, смазываясь в серые размытые пятна. Мы уже миновали Бруклин и направлялись к центру Лонг-Айленда.

– Перси, – предостерегла Аннабет, – они не смогут найти место назначения без глаза. Мы просто будем набирать скорость, пока не разобьемся на тысячу кусочков.

– Пусть сначала расскажут, – настаивал я. – Или я открою окно и выброшу глаз на встречную полосу.

– Нет! – взвыли Седые сестры. – Слишком опасно!

– Я опускаю стекло.

– Подожди! – завизжали сестрицы. – Тридцать, тридцать один! Семьдесят пять, двенадцать!

Они выпалили эту обойму цифр, как квотербэк[6 - Игрок в американском или канадском футболе, располагающийся за центральной линией и руководящий атакой.], дающий указания игрокам.

– Что вы имеете в виду? – переспросил я. – Это какая-то чепуха!

– Тридцать, тридцать один, семьдесят пять, двенадцать! – завопила Злоба. – Это все, что мы можем тебе сказать. А теперь верни нам глаз! Мы уже почти у лагеря!

К этому времени мы уже съехали с шоссе и петляли по проселочным дорогам северного Лонг-Айленда. Впереди показался Холм полукровок, на вершине которого росла гигантская сосна – древо Талии, в котором заключалась жизнь падшего героя.

– Перси! – еще строже сказала Аннабет. – Отдай им глаз, живо!

Я решил не спорить и бросил глаз Осе на колени.

Старая дама жадно схватила око, поскорее вставила в глазницу на манер человека, меняющего контактную линзу, и поморгала.

– Хо-хо!

Старуха резко нажала на тормоз. Такси, окутанное облаком дыма, четыре или пять раз провернулось вокруг своей оси и, взвизгнув покрышками, резко затормозило посередине проселочной дороги, у подножия Холма полукровок.

Тайсон мощно рыгнул:

– Теперь мне полегче.

– Так, – обратился я к Седым сестрам, – а теперь скажите мне, что означают те цифры.

– Нет времени! – Аннабет распахнула дверь. – Нужно уходить, сейчас же.

Я хотел спросить почему, но глянул на Холм полукровок и все понял.

У подножия холма сгрудились обитатели лагеря. И прямо сейчас они подвергались нападению.

Глава четвертая

Тайсон играет с огнем

Выражаясь языком мифологии, больше, чем старых дам-тройняшек, я терпеть не мог только быков.

Прошлым летом на вершине Холма полукровок я сражался с Минотавром. На этот раз дело обстояло даже хуже. Два быка. И не простые быки, а бронзовые, каждый размером со слона. Но это еще не самое страшное. В довершение всех бед, они умели выдыхать огонь.

Как только мы вылезли из такси, Седые сестры быстренько убрались восвояси, обратно в Нью-Йорк. Они даже не дождались своих «трех драхм сверху». Мы остались стоять на обочине дороги: Аннабет с рюкзаком на плече и ножом в руке, мы с Тайсоном в обгоревшей, изорванной спортивной форме.

– Кошмар, – сказала Аннабет, глядя на кипевшую на холме битву.

Собственно, я беспокоился не из-за быков. И не из-за десятка героев, закованных в броню с ног до головы, которые с гиканьем наскакивали на своих бронзовых противников. Меня беспокоило то, что быки сновали даже за сосной. Как такое могло случиться? Волшебные границы лагеря не позволяют монстрам пройти за древо Талии. Однако металлическим быкам это каким-то образом удалось.

Один из героев прокричал:

– Пограничный патруль, ко мне!

Какой знакомый девчачий голосище.

«Пограничный патруль? – размышлял я. – В лагере такого отродясь не бывало».

– Это Кларисса, – сказала Аннабет. – Давай, мы должны ей помочь.

Обычно срочная помощь Клариссе не входила в список моих добрых дел. Эта девчонка – самая большая задира во всем лагере. В нашу первую встречу она попыталась макнуть меня головой в унитаз. А еще она дочь Ареса, и прошлым летом у меня с ее отцом были крупные расхождения во мнениях, так что теперь бог войны и все его дети буквально ненавидели меня всеми печенками.

Но сейчас ей угрожала опасность. Ее соратники, рассыпавшись кто куда, в панике спасались бегством от быков, мчавшихся на них, как снаряды. Вокруг сосны горела трава. Один из героев бегал кругами, завывая и размахивая руками: конский хвост на его шлеме полыхал, как огненный ирокез.

Доспехи самой Клариссы обуглились. Она сражалась древком копья: наконечник торчал из металлического плечевого сустава быка, не причиняя тому никакого вреда.

Я сорвал колпачок со своей шариковой ручки. Она замерцала в моих руках, делаясь больше и тяжелее, пока не превратилась в бронзовый меч Анаклузмос.

– Тайсон, оставайся здесь. Ты сегодня уже достаточно испытывал судьбу.

– Нет, – возразила Аннабет. – Он нам нужен.

Я уставился на нее в изумлении:

– Он же смертный. Ему просто повезло с теми шарами-вышибалами, но он не может…

– Перси, ты знаешь, что они такое? Быки из Колхиды, созданные самим Гефестом. Мы не сможем сражаться с ними без лосьона Медеи «СПФ 50 000».

Иначе мы просто сгорим до костей.

– Эээ… Чего Медеи?

Аннабет порылась в своем рюкзаке и выругалась:

– Дома на ночном столике остался флакончик духов с ароматом тропического кокоса. Почему я его не захватила?

Я уже давным-давно научился не задавать Аннабет слишком много вопросов. Но ее последние слова окончательно поставили меня в тупик.

– Слушай, не знаю, о чем ты говоришь, но я не собираюсь позволить Тайсону дать себя поджарить.

– Перси…

– Тайсон, назад. – Я поднял меч. – Мой черед.

Тайсон попытался протестовать, но я уже бежал вверх по склону холма к Клариссе: та кричала на членов патруля, пытаясь построить их фалангой. Хорошая идея. Те немногие, что все еще ее слушали, встали плечом к плечу, сомкнули щиты, образовав бронзовую стену, над которой, точно иглы дикобраза, блестели острия их копий.

К сожалению, Кларисса смогла собрать только шестерых обитателей лагеря. Еще четверо продолжали бегать вокруг в горящих шлемах. Аннабет побежала к этим ребятам, чтобы попытаться помочь. Она привлекла внимание одного из быков, вынудив его за ней погнаться, и стала невидимой, вогнав чудовище в ступор. Другой бык понесся на строй Клариссы.

Я добежал только до середины склона – это было слишком далеко, чтобы помочь. Кларисса еще даже не заметила меня.

Для такого крупного существа, каким являлся бык, он двигался с убийственной скоростью. Его металлическая шкура блестела на солнце. В глазницах у него вместо глаз сверкали рубины, каждый величиной с кулак, а рога отливали

серебром.

– Держать строй! – приказала Кларисса своим воинам.

Что бы о ней ни говорили, она смелая. Высоченная девица со злыми глазами, в точности как у ее отца Ареса. Она выглядела как древнегреческий воин, созданный, чтобы носить доспехи, но, даже несмотря на это, мне казалось, что у нее нет шансов отразить атаку этого быка.

К сожалению, в эту минуту второму быку наскучило искать Аннабет. Он развернулся и очутился в тылу маленького отряда Клариссы.

– Сзади! – заорал я. – Берегись!

Не стоило этого делать, потому что я только ее напугал. Бык номер один врезался в ее щит, и фаланга распалась. Кларисса отлетела назад и упала на тлеющий участок травы. Бык номер один промчался мимо, но успел дохнуть на остальных героев огнем, и щиты расплавились прямо у них в руках. Они бросили оружие и побежали, а бык номер два приближался к Клариссе, чтобы добить.

Я подскочил к Клариссе, схватил ее за ремни на доспехах и оттащил с траектории движения быка номер два. Тот на полном скаку пронесся мимо. Я с силой ударил его Анаклузмосом, проделав огромную дыру в его боку, чудовище лишь заскрипело, застонало, но продолжало двигаться.

Меня оно так и не достало, но я почувствовал жар его металлической шкуры. Температуры его тела хватило бы, чтобы подогреть замороженное буррито.

– Отпусти меня! – Кларисса врезала кулаком мне по руке. – Перси, будь ты проклят!

Я сгрузил ее под сосной и повернулся, чтобы встретить быков лицом к лицу. Теперь мы оказались на внутреннем склоне холма, прямо под нами раскинулась долина Лагеря полукровок: хижины, учебные помещения, Большой дом, и все это под угрозой, если мы не остановим этих быков.

Аннабет кричала на других героев, пытаясь заставить их рассредоточиться и отвлечь быков.

Бык номер один заложил крутой вираж, развернулся и ломанул прямо на нас. Когда он добежал до середины склона, где должна была проходить невидимая граница, то чуть-чуть притормозил, как будто шел против сильного ветра, но потом все-таки прорвался и побежал дальше. Бык номер два повернулся ко мне, из дыры, которую я пробил в его боку, вырывались языки пламени. Не знаю, чувствовал ли он боль, но в его рубиновых глазах при взгляде на меня загорелась такая злоба, как будто чудовище питало ко мне личную неприязнь.

Я не мог сражаться с двумя быками одновременно.

Сначала требовалось обезвредить быка номер два, отрубить ему голову раньше, чем бык номер один до нас домчится. У меня уже устали руки. Я остро прочувствовал, что очень давно не упражнялся с Анаклузмосом и потерял форму.

Я сделал выпад, но бык номер два дохнул на меня огнем. Я откатился в сторону, спасаясь от раскаленного воздуха. Из моих легких словно выкачали весь кислород. Я обо что-то пропорол ногу, возможно, о торчащий из земли корень, и лодыжку пронзила острая боль. Я все-таки сумел нанести рубящий удар и отхватил кусок от морды чудовища. Оно проскакало дальше, разъяренное и дезориентированное, но порадоваться я не успел: при попытке перенести вес на поврежденную ногу, она подогнулась. Я потянул лодыжку, а может, даже сломал.

Ко мне мчался бык номер один. Отползти с его пути я ни за что не успею.

Аннабет закричала:

– Тайсон, помоги ему!

Где-то неподалеку, у подножия холма, Тайсон завопил:

– Я… не могу… пройти!

– Я, Аннабет Чейз, даю тебе разрешение войти в лагерь!

От громового раската склон холма содрогнулся. Вдруг оказалось, что Тайсон на всех парах несется ко мне, выкрикивая:

– Перси нужна помощь!

Не успел я крикнуть, чтобы он не приближался, как Тайсон метнулся между мной и быком. В тот же миг бык дыхнул своим термоядерным огнем.

– Тайсон! – взвыл я.

Огненные языки закрутились вокруг моего приятеля, как огненное торнадо. Я видел только черный силуэт его тела. С ужасающей ясностью я понял, что мой друг только что стал самым большим в мире угольным брикетом.

Но когда пламя погасло, Тайсон все еще стоял на прежнем месте, целый и невредимый. Его замызганная одежда даже не обгорела. Бык, очевидно, удивился не меньше, чем я, потому что, прежде чем он успел снова дохнуть огнем, Тайсон сжал кулаки и обрушил их на чудовище, вопя:

– ПЛОХАЯ КОРОВА!

Его кулаки пробили огромную вмятину в морде бронзового быка. Из ушей чудища вырвались два маленьких язычка пламени. Тайсон ударил снова, бронза сминалась под его руками, как алюминиевая фольга. Теперь физиономия быка напоминала сшитую из носка куклу, которую вывернули наизнанку.

– Сидеть! – заорал Тайсон.

Бык пошатнулся и завалился на бок. Его ноги слабо дергались в воздухе, из раскуроченной головы вырывался пар.

Подбежала Аннабет, чтобы проверить, в каком я состоянии.

Лодыжка горела, как будто ее окунули в кислоту, но приятельница дала мне выпить немного олимпийского нектара из своей фляжки, и мне сразу же стало

лучше. Пахло паленым (позже узнал, что запах шел от меня самого). Мои брови и волосы на руках опалило напрочь.

– Что с остальными быками? – спросил я.

Аннабет показала на подножие холма.

Кларисса позаботилась о плохой корове номер два. Она насквозь проткнула заднюю ногу чудовища копьем из небесной бронзы. Теперь, когда у него осталась только половина морды, а в боку зияла огромная дыра, оно медленно бегало по кругу, как здоровая страшенная лошадка на карусели.

Кларисса стянула с головы шлем и строевым шагом подошла к нам. Прядь ее тонких каштановых волос медленно тлела, но, похоже, девчонка этого не замечала.

– Ты. Все. Испортил! – рявкнула она на меня. – Я держала ситуацию под контролем!

У меня пропал дар речи.

Аннабет проворчала:

– Я тоже рада тебя видеть, Кларисса.

– Ррр! Никогда, НИКОГДА не пытайся снова меня спасать! – взвизгнула Кларисса.

– Кларисса, – заметила Аннабет, – твои люди ранены.

Слова подействовали отрезвляюще. Даже Кларисса заботилась о вверенных ей солдатах.

– Я еще вернусь, – проворчала она и устало побрела оценивать ущерб.

Я уставился на Тайсона:

– Ты не умер.

Тайсон потупился, выглядел он смущенным.

– Прости. Пришел на помощь. Ослушался тебя.

– Это я виновата, – вмешалась Аннабет. – Мне пришлось делать выбор. Чтобы спасти тебя, я позволила ему пересечь границу. Иначе тебя бы убили.

– Позволить ему пересечь границу? – переспросил я. – Но…

– Перси, – сказала Аннабет, – ты когда-нибудь внимательно приглядывался к Тайсону? Я хочу сказать… Ты видел его лицо? Преодолей чары тумана и посмотри истинным зрением.

Туман… Он заставляет людей видеть только то, что может принять их мозг. Я знал, что его чары могут одурачить и полубогов, но…

Я посмотрел Тайсону в лицо. Это оказалось непросто. Мне всегда было трудно смотреть прямо на него, хотя я никогда не понимал почему. Раньше я думал, что это из-за его кривых зубов, вечно перепачканных арахисовым маслом.

Я заставил себя сфокусировать взгляд на его большом бугристом носе, затем посмотрел выше, в глаза…

Нет, в глаз.

Один глаз. Один-единственный большущий, окруженный густыми ресницами, карий глаз прямо в центре лба. Из которого по обеим сторонам лица текли огромные слезы.

– Тайсон, – запинаясь, выговорил я. – Ты…

– Циклоп, – подсказала Аннабет. – Детеныш, судя по его виду. Вероятно, поэтому он и не мог пересечь границу так же легко, как быки. Тайсон – один из бездомных сирот.

– Один из кого?

– Они есть почти во всех крупных городах, – брезгливо сказала Аннабет. – Они… плоды ошибок, Перси. Дети духов природы и богов… ну, главным образом одного бога, как правило… И они часто рождаются уродами. Они никому не нужны. Их игнорируют. Они растут сами по себе на улице. Не знаю, как этот тебя нашел, но он явно питает к тебе симпатию. Нужно отвести его к Хирону, пусть он решает, что с ним делать.

– Но как же… огонь…

– Он циклоп. – Аннабет сделала паузу, будто что-то припоминая. – Они работают в кузницах богов. Неудивительно, что огонь не может причинить им вреда. Вот это я и пыталась тебе сказать.

Я был шокирован. Как же вышло, что я так и не понял, кто такой Тайсон на самом деле?

Но сейчас у меня не оставалось времени на подобные раздумья. Весь склон холма полыхал. Раненые герои нуждались в помощи. Еще имелись два побитых бронзовых быка, которых предстояло утилизировать, и что-то мне подсказывало, что в обычный мусорный бак они не влезут.

Вернулась Кларисса, она стерла сажу со лба.

– Джексон, если можешь стоять, вставай. Нужно перенести раненых обратно в Большой дом. Сообщи Танталу о случившемся.

– Танталу? – переспросил я.

– Исполнительному директору, – нетерпеливо пояснила Кларисса.

– Но ведь исполнительный директор Хирон. А где Аргус? Он же начальник службы безопасности. Почему его здесь нет?

Кларисса скорчила кислую мину:

– Аргуса уволили. Вы отсутствовали слишком долго. Все изменилось…

– Но Хирон… Он учил ребят сражаться с чудовищами больше трех тысяч лет. Он не мог просто взять и уйти. Что случилось?

– Вот что случилось, – рявкнула Кларисса и показала на древо Талии.

Историю этого дерева знал каждый обитатель лагеря. Шесть лет назад Гроувер, Аннабет и еще двое полубогов по имени Талия и Лука прибыли в Лагерь полукровок, а за ними по пятам гналась орда чудовищ. На вершине холма их почти настигли, и тогда Талия, дочь Зевса, попыталась ценой своей жизни задержать преследователей, чтобы дать время друзьям спастись. Когда она умирала, Зевс сжалился над ней и превратил ее в сосну. Ее дух укреплял волшебные границы лагеря, защищая его от монстров.

Но сейчас хвоя дерева пожелтела. У подножия дерева лежала огромная куча осыпавшихся иголок. В центре ствола, на высоте трех футов над землей я увидел след укола размером с пулевое отверстие. Из дырочки вытекал зеленый сок.

Сердце мое сдавила ледяная рука. Теперь я понял, почему лагерю угрожала опасность. Волшебные границы теряли силу, потому что древо Талии умирало.

Кто-то его отравил.

Глава пятая

У меня появляется новый сосед по комнате

С вами когда-нибудь бывало такое: вы приходите домой, а в вашей комнате полный бардак? Как будто кто-то очень хотел помочь (привет, мама) и попытался «прибраться», так что теперь вы не можете ничего найти? И даже если ничего не пропало, вас бросает в дрожь от мысли, что кто-то копался в ваших личных вещах и вытирал пыль с мебели, используя полироль с ароматом лимона?

Вот что я почувствовал, когда снова увидел Лагерь полукровок.

На первый взгляд вроде бы ничего особо не изменилось. Большой дом с опоясывающим его портиком и остроконечной крышей стоял на прежнем месте. Клубничные поля все так же румянились на солнышке. Знакомые здания с белыми колоннами в древнегреческом стиле, разбросанные по долине: амфитеатр, арена для боев, обеденный павильон, выходящий на пролив Лонг-Айленд. И знакомые домики, зажатые между лесом и бухтой, остались все теми же – двенадцать строений странного вида, по числу олимпийских богов.

Но теперь в воздухе витало ощущение опасности. Что-то явно изменилось, причем к худшему. Вместо того чтобы играть в волейбол на песчаной площадке, вожатые и сатиры складывали оружие в сараи для инструментов. На краю леса нервно переговаривались дриады, вооруженные луками и стрелами. Лес выглядел больным, трава на лугу пожелтела, а выгоревшие проплешины на холме полукровок казались уродливыми шрамами.

Кто-то вторгся в это чудесное, лучшее на свете место, и я не испытывал особого восторга по этому поводу.

Пока мы шли к Большому дому, я узнавал многих ребят, с которыми познакомился еще прошлым летом. Никто не останавливался, чтобы поболтать. Никто не сказал: «С возвращением». Некоторые при виде Тайсона столбенели, но большинство просто с мрачным видом проходили мимо, не отрываясь от выполнения своих обязанностей: доставки сообщений или переноски мечей для заточки на точильном камне. В лагере царил дух военной школы. Уж поверьте мне, я знаю, что это такое. Меня из пары таких вышибли.

Тайсона мои переживания не волновали. Все увиденное изумляло его и поражало.

– Шоэто?! – ахал он.

– Стойла для пегасов, – объяснял я. – Крылатых коней.

– Шоэто?!

– Эээ… Это туалеты.

– Шоэто?!

– Домики для студентов лагеря. Если неизвестно, кто из олимпийцев твои отец или мать, тебя размещают в домике Гермеса – вон в том, видишь? – до тех пор, пока тебя не опознают. Как только это выясняется, тебя переводят в группу твоего отца или матери.

Приятель посмотрел на меня:

– А у тебя есть… домик?

– Номер три. – Я указал на невысокое серое здание, сложенное из морских камней.

– Ты живешь в домике вместе с друзьями?

– Нет. Нет, там только я.

Объяснять не хотелось.

Неудобная правда заключалась в том, что я оказался единственным обитателем этого домика, потому что меня не должно было существовать. Большая тройка богов, Зевс, Посейдон и Аид, после Второй мировой войны заключили договор: не иметь больше детей от смертных. Мы могущественнее обычных полукровок. Мы слишком непредсказуемые. Если мы злимся, то почти наверняка устраиваем неприятности… вроде Второй мировой войны, например. Договор Большой тройки нарушался только дважды: первый раз – когда Зевс дал жизнь Талии, второй раз – когда Посейдон дал жизнь мне. Ни одному из нас не следовало рождаться.

Талию превратили в сосну в двенадцатилетнем возрасте. Я… что ж, я изо всех сил старался не пойти по ее стопам. Мне снились кошмары на тему: во что Посейдон мог бы меня превратить, если бы я оказался на грани смерти. Может, в планктон? Или в кучу плавучих водорослей?

Когда мы подошли к Большому дому, то увидели, что Хирон в своей комнате слушает свою любимую музыку шестидесятых годов и пакует седельные сумки.

Полагаю, стоит об этом упомянуть… Хирон – кентавр. Выше пояса он выглядит как обычный дядька средних лет с курчавыми каштановыми волосами и неряшливого вида бородкой. Ниже пояса он белый жеребец. Он может сойти за человека, когда втискивает свою нижнюю часть в волшебное инвалидное кресло. Вообще-то, пока я учился в шестом классе, он выдавал себя за учителя латыни. Но большую часть времени он предпочитает проводить в облике кентавра (если потолок достаточно высокий).

Как только мы вошли, Тайсон встал как вкопанный, а потом восторженно закричал:

– Пони!

Хирон обернулся, явно задетый за живое.

– Прошу прощения?

Вбежала Аннабет и крепко его обняла.

– Хирон, что происходит? Ты же не… уходишь?

Ее голос дрогнул. Хирон был ей как второй отец.

Кентавр взъерошил ее волосы и одарил доброй улыбкой.

– Здравствуй, дитя. И Перси, боже мой. Да ты подрос за год!

Я сглотнул.

– Кларисса сказала, что вы… что вы…

– Уволен. – Глаза Хирона сверкнули мрачным весельем. – Ну, конечно, нужно же найти виноватого. Владыка Зевс был крайне недоволен. Дерево, которое он

создал из духа своей дочери, отравлено! Мистеру Д. пришлось кого-то наказать.

– Только не себя, вы хотите сказать, – проворчал я. Одна мысль о директоре лагеря, мистере Д., наполняла меня раздражением.

– Да он чокнулся! – воскликнула Аннабет. – Хирон, разве не ясно, что ты непричастен к отравлению дерева Талии?

– И тем не менее, – вздохнул Хирон, – кое-кто на Олимпе теперь мне не верит при сложившихся обстоятельствах.

– Каких еще обстоятельствах? – переспросил я.

Кентавр помрачнел. Он запихнул в седельную сумку латинско-английский словарь, а из стереомагнитофона лились рулады Фрэнка Синатры.

Тайсон продолжал удивленно пялиться на Хирона. Он хныкал, явно изнывая от желания похлопать Хирона по крупу, но тру€сил подойти поближе.

– Пони?

Хирон фыркнул:

– Мой дорогой юный циклоп! Я – кентавр.

– Хирон, – настаивал я, – что насчет дерева? Что произошло?

Он грустно покачал головой:

– Яд, которым отравили сосну Талии, – из подземного мира, Перси. Такой отравы даже я никогда не видел. Очевидно, его взяли у чудища, обитающего в одной из глубочайших бездн Тартара.

– Тогда мы знаем, кто виновник. Кро…

– Не упоминай имени владыки титанов, Перси. Особенно не здесь, не сейчас.

– Но прошлым летом он пытался развязать на Олимпе гражданскую войну! Наверняка это его идея. Он подбил на это Луку, этого предателя…

– Возможно, – сказал Хирон. – Но, боюсь, я тоже в ответе, так как не предотвратил случившееся и не могу вылечить дерево. Ему осталось не больше пары недель, если только…

– Если только что? – спросила Аннабет.

– Нет, – покачал головой Хирон. – Глупая мысль. Вся долина испытывает на себе действие яда. Волшебные границы разрушаются. Лагерь умирает. Только один источник волшебной силы мог бы нейтрализовать яд, а он утерян уже много столетий назад.

– Что это? – допытывался я. – Мы отправимся на его поиски.

Хирон закрыл седельную сумку. Выключил стереомагнитофон. Потом повернулся, положил руки на мои плечи и посмотрел мне в глаза.

– Перси, ты должен пообещать, что не будешь действовать опрометчиво. Я сказал твоей матери, что тебе лучше не приезжать сюда этим летом. Это чересчур опасно. Но раз уж ты здесь, то здесь и оставайся. Усердно тренируйся. Учись сражаться. Но не покидай лагерь.

– Почему? – завопил я. – Я хочу что-то сделать! Я не могу просто смотреть, как границы исчезают. Весь лагерь будет…

– Кишеть чудовищами, – закончил Хирон. – Да, боюсь, так и будет. Но не поддавайся соблазну, не наломай дров! Вполне возможно, это ловушка владыки титанов. Не забывай о том, что произошло прошлым летом! Он едва не забрал твою жизнь.

Я понимал, что он прав, и все же изнывал от желания помочь. А еще мне хотелось поквитаться с Кроносом.

Это я вот к чему. Думаете, владыка титанов усвоил урок еще несколько вечностей назад, когда боги его низвергли? Думаете, когда его разрезали на

миллион кусочков и разбросали в самой мрачной части преисподней, он наконец понял намек и сообразил, что никому не нужен? Конечно же, нет! Потому что он бессмертен и все еще жив, заключенный в Тартаре… испытывает вечные му€ки, жаждет вернуться и отомстить олимпийцам. Он не мог действовать самостоятельно, но у него здорово получалось пудрить мозги смертным и даже богам, чтобы заставить их сделать за него всю грязную работу.

Скорее всего, отравление его рук дело. Кто же еще мог поступить так подло и выбрать в качестве мишени дерево Талии? Ведь это дерево – все, что осталось от девочки-героини, отдавшей жизнь, чтобы спасти своих друзей.

Аннабет с трудом сдерживалась, чтобы не плакать. Хирон стер слезинку с ее щеки.

– Оставайся с Перси, дитя, – велел он девочке. – Береги его. Пророчество. Помни о пророчестве!

– Я… Хорошо.

– Эм… – промычал я. – Это вы случайно не о том-самом-супер-секретном-пророчестве, в котором я упомянут и о котором боги вам запретили мне рассказывать?

Никто не ответил.

– Ага, – пробормотал я. – Ну, попытка не пытка.

– Хирон… – сказала Аннабет, – ты мне говорил, что боги сделали тебя бессмертным при условии, что ты станешь учителем героев. Раз они отзывают тебя из лагеря…

– Поклянись, – прервал ее Хирон, – что сделаешь все возможное, чтобы уберечь Перси от опасности. Поклянись рекой Стикс.

– Клянусь… Клянусь рекой Стикс, – выдавила Аннабет.

Раздался громовой раскат.

– Хорошо, – подытожил Хирон. Он слегка расслабился. – Может быть, мое имя будет очищено от позора, и я вернусь. А до тех пор я побуду с моими соплеменниками в Эверглейдсе. Может статься, им известен какой-то способ лечения, о котором я позабыл. В любом случае я останусь в изгнании до тех пор, пока это дело не решится… так или иначе.

Аннабет подавила рыдание.

Хирон неловко потрепал ее по плечу.

– Ну, полно, полно, дитя. Я должен вверить твою безопасность мистеру Д. и новому исполнительному директору. Мы должны надеяться… что ж, возможно, лагерь разрушат не так скоро, как я боюсь.

– И все же, кто такой этот Тантал? – спросил я. – Откуда он вдруг взялся и захапал вашу работу?

Над долиной пронесся рев: трубили в раковину. Я и не заметил, что уже так поздно. Пришло время обитателям лагеря собираться на ужин.

– Идите, – сказал Хирон. – Вы встретите его в павильоне. Я свяжусь с твоей матерью, Перси, и сообщу ей, что ты в безопасности. Она наверняка с ума сходит от беспокойства. И помни, о чем я тебя предупредил! Ты в страшной опасности. Не думай, что владыка титанов про тебя забыл!

Сказав это, наш наставник, цокая копытами, вышел из комнаты и поскакал вниз по склону холма, а Тайсон кричал ему вслед:

– Пони, не уходи!

Тут до меня дошло, что я забыл рассказать Хирону о своем сне про Гроувера. А теперь слишком поздно. Лучший учитель из всех, что у меня когда-либо были, ушел… возможно, навеки.

Тайсон заревел во всю глотку еще похлеще Аннабет.

Я попытался объяснить им, что все будет хорошо, хотя сам не очень-то в это верил.

* * *

Солнце уже садилось за обеденный павильон, когда к нему подтянулись из своих домиков обитатели лагеря. Мы стояли в тени мраморной колоннады и смотрели, как они шеренгами подходят ближе.

Аннабет все еще не пришла в себя после потрясения, но пообещала, что поговорит с нами позже, и пошла к другим отпрыскам Афины, обитателям ее домика – дюжине мальчиков и девочек с такими же светлыми волосами и серыми глазами, как у нее самой. Хотя Аннабет и не была среди них самой старшей, она провела в лагере больше лет, чем все остальные. Это сразу становилось понятно, стоило посмотреть на ее ожерелье – одна бусина за каждое лето, проведенное в лагере. У Аннабет на шее висело шесть таких бусин. Никто не оспаривал ее права стоять во главе шеренги.

Потом подошли обитатели домика Ареса во главе с Клариссой. Одна рука ее висела на перевязи, на щеке появился жуткий порез, но в целом не похоже было, чтобы стычка с бронзовыми быками выбила ее из колеи. Кто-то прилепил ей на спину лист бумаги с надписью: «СКАЖИ «МУ-У-У», СТАРУХА!» Однако никто из ее соседей по домику не посчитал нужным сообщить ей об этом.

Далее шли обитатели домика Гефеста – шестеро ребят под предводительством Чарли Бекендорфа, здоровенного пятнадцатилетнего афроамериканского парня. Ладони у него размером с бейсбольную перчатку, лицо грубое, а глаза всегда прищурены из-за того, что он день-деньской проводит у кузнечного горна. Стоило познакомиться с ним поближе, становилось ясно, что парень он неплохой, но никто не называл его Чарли, Чак или Чарльз. Большинство звали его просто Бекендорф. Ходили слухи, что он может сделать все на свете. Дайте ему кусок металла, и он выкует острый как бритва меч, или роботизированного воина, или чудесную птичью поилку-фонтанчик для сада вашей бабушки. Словом, все, что угодно.

Подтягивались обитатели и других домиков: Деметры, Аполлона, Афродиты, Диониса. Из озера вылезли наяды. Из деревьев выступили дриады. Из лугов прискакала дюжина сатиров – при взгляде на них я с болью в сердце вспомнил о

Гроувере.

Я всегда симпатизировал сатирам. Когда они жили в лагере, им всегда приходилось выполнять массу странных заданий мистера Д., директора. Но самая важная работа ждала их в реальном мире. Они занимались поисками. Внедрялись в школы по всему миру, чтобы находить потенциальных полукровок и приводить их в лагерь. Так я и повстречал Гроувера. Это он первым догадался, кто я такой.

Наконец, следом за сатирами пришли обитатели домика Гермеса, в котором всегда обитало больше всего народу. Прошлым летом их возглавлял Лука, парень, который сражался вместе с Талией и Аннабет на вершине Холма полукровок. Я и сам жил какое-то время в домике Гермеса, до того как Посейдон признал меня. Лука относился ко мне по-дружески… а потом попытался убить.

Теперь домик Гермеса возглавляли Тревис и Коннор Стоуллы. Они были так похожи, что сначала все думали, что они близнецы (хотя это неправда). Мне так и не удалось запомнить, кто из них старший, а кто младший. Оба высокие и костлявые, с ежиками каштановых волос, которые лезли в глаза. Оранжевые футболки с надписью «ЛАГЕРЬ ПОЛУКРОВОК» они носили навыпуск поверх мешковатых шортов, а лицом походили на всех остальных детей Гермеса: тонкие, как у эльфов, черты, вздернутые брови, саркастические ухмылки и вечный хитрый блеск в глазах, как будто они только и смотрят, как бы засунуть подожженный фейерверк вам за шиворот. Мне всегда казалось забавным, что дети бога воров носили фамилию «Стоул»[7 - Игра слов: фамилия Stoll созвучна слову stole, прошедшее время от глагола to steal – «красть», «воровать».], но когда я как-то раз заикнулся об этом, Тревис и Коннор непонимающе уставились на меня, словно не видели в этом ничего смешного.

Как только прибыли последние обитатели лагеря, я повел Тайсона в центр павильона. Разговоры смолкли. Головы всех присутствующих повернулись к нам.

– Кто же додумался пригласить это? – пробурчал кто-то за столом Аполлона.

Я быстро повернул голову, но не сумел рассмотреть, кто это ляпнул.

За главным столом знакомый голос протянул:

– Так-так, неужто это Питер Джонсон? Второе пришествие.

Я скрипнул зубами:

– Перси Джексон… сэр.

Мистер Д. пригубил диетическую колу.

– Да. Что ж, как это сейчас говорится у вас, молодых: мне по барабану.

На нем была его обычная рубашка с леопардовыми пятнами, шорты и теннисные туфли с черными носками. Со своим животиком и пухлым красным лицом он походил на туриста, который допоздна засиделся в казино Лас-Вегаса. За спиной у него стоял явно нервничавший сатир: очищал от кожицы виноградины и по одной передавал их богу.

Настоящее имя мистера Д. – Дионис, бог вина. Зевс назначил его директором Лагеря полукровок в наказание за чрезмерное увлечение лесными нимфами.

Рядом с ним там, где обычно сидел Хирон (или стоял, если пребывал в своей истинной форме), сейчас находился персонаж, которого я никогда прежде не видел: бледный, страшно худой человек в потертой арестантской робе оранжевого цвета. На нагрудном кармане робы значился номер 0001. Под глазами у него синели круги, под ногтями скопилась уйма грязи, а седые волосы торчали во все стороны, как будто его стригли газонокосилкой. Он посмотрел на меня, и я занервничал. Он выглядел… надломленным. Сердитым, смущенным и голодным одновременно.

– За этим мальчиком нужен глаз да глаз, – обратился к нему Дионис. – Дитя Посейдона, сами понимаете.

– А! – сказал арестант. – Так это тот самый.

По его тону стало понятно, что они с Дионисом уже обсудили мою персону в деталях.

– Я – Тантал, – представился человек, холодно улыбаясь. – И нахожусь здесь с особым заданием, до тех пор пока… скажем, до тех пор, пока владыка Дионис не распорядится иначе. Что же до тебя, Персей Джексон, я очень надеюсь, что в дальнейшем у нас не возникнет неприятностей по твоей вине.

– Неприятностей? – переспросил я.

Дионис щелкнул пальцами. На столе появилась газета, передовица сегодняшней «Нью-Йорк пост». С моей фотографией из альбома выпускников школы Меривезер. Я был слишком подавлен, чтобы со своей дислексией суметь прочитать ярко-оранжевый заголовок, но этого и не требовалось: и так понятно. Что-нибудь вроде: «Тринадцатилетний душевнобольной спалил спортзал».

– Да, неприятностей, – довольно кивнул Тантал. – Как я понимаю, прошлым летом ты тоже заварил знатную кашу.

От злости у меня отнялся язык. Можно подумать, это по моей вине боги едва не начали гражданскую войну!

Сатир нервно придвинулся поближе и поставил перед Танталом блюдо с барбекю. Новый исполнительный директор облизнулся. Он посмотрел на свой пустой кубок и сказал:

– Рутбир[8 - Рутбир, или корневое пиво (англ. Root beer), – это газированный напиток, обычно изготовленный из коры дерева сассафраса. Производится двух видов: алкогольное и безалкогольное.]. Из особых барковских[9 - Очевидно, речь о продукции компании Barq’s.] запасов тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года.

Стакан наполнился пенящейся шипучкой. Тантал неуверенно протянул руку, как будто опасался, что кубок горячий.

– Вперед, старина, – сказал Дионис, глаза его странно блеснули. – Возможно, теперь все получится.

Тантал попытался схватить стакан, но тот быстро отъехал в сторону, прежде чем исполнительный директор успел до него дотронуться. Несколько капель

рутбира упали на столешницу, и Тантал попытался подобрать их пальцами, но не успел он к ним прикоснуться: капли откатились прочь, словно ртуть. Бывший арестант зарычал и повернулся к тарелке с барбекю. Он схватил вилку и хотел наколоть на нее кусочек грудинки, но тарелка заскользила над столом и полетела прямо на уголья жаровни.

– Проклятье! – пробормотал Тантал.

– Ну, что же. – Голос Диониса сочился фальшивым сочувствием. – Возможно, нужно еще несколько дней. Поверь мне, старик, работа в этом лагере и так станет изрядной пыткой. Уверен, это твое старое проклятье в конечном счете спадет.

– В конечном счете, – пробурчал Тантал, не сводя глаз со стакана диетической колы в руках Диониса. – Ты хоть представляешь, как пересыхает в горле за три тысячи лет?

– Вы – тот самый дух с Полей наказаний, – сказал я. – Который стоит в озере. У вас над головой висят на ветках фрукты, но вы не можете ни есть, ни пить.

Тантал поглядел на меня с усмешкой:

– Да ты у нас, оказывается, настоящий грамотей?

– Вы, наверное, сделали что-то по-нас-тоя-щему ужасное при жизни, – ляпнул я. Встреча с такой примечательной личностью произвела на меня впечатление. – Что вы натворили?

Тантал прищурился. Сатир у него за спиной бешено размахивал руками, пытаясь меня предостеречь.

– Я буду наблюдать за тобой, Перси Джексон, – сказал он наконец. – Мне не нужны проблемы в моем лагере.

– У вашего лагеря уже проблемы, сэр.

– Да сядь ты, наконец, Джексон, – вздохнул Дионис. – Полагаю, тебе во-о-он за тот стол, за которым обычно никто не хочет сидеть.

Мои щеки запылали, но я счел за лучшее не огрызаться. Дионис был порядочным гадом, но при этом бессмертным и необыкновенно могущественным. Так что я сказал:

– Пошли, Тайсон.

– Ну нет, – заявил Тантал. – Чудовище останется здесь. Мы должны решить, что с этим делать.

– С ним, – рявкнул я. – Его зовут Тайсон.

Новый исполнительный директор выгнул бровь.

– Тайсон спас лагерь. – Я решил стоять до конца. – Он поколотил тех бронзовых быков. Если бы не он, они бы тут все сожгли.

– Да, – вздохнул Тантал, – это было бы поистине печально.

Дионис фыркнул.

– Оставь нас, – приказал Тантал. – Мы решим судьбу этого существа.

Тайсон испуганно посмотрел на меня своим огромным глазом, но я знал, что не могу ослушаться прямого приказа руководителей лагеря… во всяком случае, в открытую.

– Я буду неподалеку, здоровяк, – пообещал я. – Не волнуйся. Мы подыщем тебе хорошее место для ночлега.

Тайсон кивнул:

– Я тебе верю. Ты мой друг.

Чувствуя себя вдвойне виноватым, я устало поплелся к столу Посейдона и рухнул на скамью. Древесная нимфа принесла мне тарелку с олимпийской пиццей (с оливками и пеперони), но есть мне не хотелось. За один день меня дважды чуть не убили. Я умудрился закончить учебный год полным провалом. Лагерю полукровок угрожала серьезная опасность, а Хирон велел мне не пытаться что-либо изменить.

Особой благодарности я не ощущал, но все-таки как обычно взял свой ужин, подошел к бронзовой жаровне, смахнул в огонь часть еды и пробормотал:

– Посейдон, прими мое подношение.

А про себя добавил: «И пошли мне какую-нибудь помощь, раз уж тебя это тоже касается. Пожалуйста».

Едкий запах горелой пиццы превратился в какой-то другой аромат – повеяло морским бризом с примесью диких цветов, но я понятия не имел, действительно ли отец меня слушал.

Я вернулся на свое место. Мне казалось, что все так плохо, что хуже и быть не может. До тех пор, пока Тантал не велел одному из сатиров протрубить в рог из раковины моллюска, чтобы привлечь наше внимание и сделать объявление.

* * *

– Ну, что же, – сказал Тантал, когда все разговоры утихли. – Еще один замечательный ужин! По крайней мере мне сказали, что он отменный.

Пока он говорил, его рука потихоньку тянулась к тарелке, очевидно, в надежде, что еда не заметит обманного маневра. Но она заметила. Тарелка дернулась и слетела со стола, когда пальцы исполнительного директора находились в шести дюймах от нее.

– И сегодня, в первый день моего назначения, – продолжал он, – я бы хотел заметить, как приятно отбывать наказание в таком чудесном месте. За время летнего курса я надеюсь помучить… эээ… повлиять на каждого из вас, дети. У всех вас довольно аппетитный вид.

Дионис вежливо похлопал, некоторые сатиры поддержали его вялыми аплодисментами.

Тайсон все так же стоял перед главным столом, явно чувствуя себя не в своей тарелке, но каждый раз, когда он пытался отодвинуться в тень, Тантал втаскивал его обратно на свет.

– А теперь о некоторых изменениях! – Тантал одарил обитателей лагеря кривой усмешкой. – Мы снова вводим гонки на колесницах!

Все ребята за столами зашушукались с восторгом, страхом, недоверием.

– Как мне стало известно, – продолжал Тантал, – эти гонки отменили несколько лет назад из-за… ах да, по техническим причинам.

– Трое погибли, и еще двадцать шесть покалечились, – раздался голос от стола Аполлона.

– Да-да! – кивнул Тантал. – Но я уверен, все вы поддержите мое стремление восстановить в этом лагере старые добрые традиции. Каждый месяц победителей будут награждать золотыми лавровыми венками. В команды можно записаться завтра утром! Первая гонка состоится через три дня. Мы освободим вас от большей части ваших повседневных занятий, чтобы вы смогли подготовить колесницы и подыскать лошадей. О, и упоминал ли я, что домик команды победителей освободят от работы по хозяйству на целый месяц?

Взрыв восторженных голосов: никаких нарядов на кухню? Никакой чистки конюшен? Он не врет?

И тут возразил человек, от которого я этого ожидал меньше всего.

– Но, сэр! – сказала Кларисса. Она явно нервничала и все же поднялась со своего места за столом Ареса. Некоторые захихикали, увидев листок «СКАЖИ «МУУУ», СТАРУХА!» у нее на спине. – А как же обязанности по патрулированию? Я хочу сказать, если из-за подготовки колесниц мы все забросим…

– А, герой дня, – воскликнул Тантал. – Отважная Кларисса, в одиночку одержавшая верх над бронзовыми быками!

Кларисса моргнула, потом покраснела.

– Вообще-то я не…

– И такая скромная. – Тантал оскалил зубы в улыбке. – Беспокоиться не о чем, моя дорогая! Это летний лагерь. Мы здесь, чтобы веселиться, верно?

– Но дерево…

– А теперь, – продолжал Тантал, в то время как несколько приятелей Клариссы потянули ее обратно на место, – перед тем как проследовать к костру и спеть песню, еще один момент, касающийся домашнего хозяйства. Перси Джексон и Аннабет Чейз по какой-то причине сочли возможным привести сюда это.

Тантал взмахнул рукой, указывая на Тай-сона.

Беспокойные перешептывания среди обитателей лагеря. Множество косых взглядов в мою сторону. Мне захотелось убить Тантала.

– Конечно, – продолжал он, – сейчас у циклопов репутация кровожадных монстров с очень ограниченными умственными способностями. При других обстоятельствах я бы выпустил этого зверя в лес и отправил вас поохотиться на него с факелами и кольями. Но кто знает? Может статься, этот циклоп не такой ужасный, как большинство его собратьев. До тех пор, пока он не показывает признаков агрессии, его нужно где-то держать. Я думал о конюшнях, но лошади из-за него будут нервничать. Может, домик Гермеса?

Молчание за столом Гермеса. Тревис и Коннор Стоуллы пристально рассматривали скатерть. Я не мог их винить. Домик Гермеса и так заполнен под завязку. Не хватало им только великана-циклопа.

– Да ладно вам, – взвыл Тантал. – Чудовище можно попробовать приставить к несложной работе. У кого какие предложения? В какую конуру нам поселить этакое чудище?

Вдруг все разом ахнули.

Тантал изумленно отпрыгнул от Тайсона. Я мог только недоверчиво таращиться на сверкающий зеленый свет, который вот-вот должен был изменить мою жизнь: над головой Тайсона появилось ослепительное голографическое изображение.

Чувствуя тошноту, я вспомнил, что Аннабет говорила про циклопов: «Они дети духов природы и богов… ну, главным образом одного бога, как правило…»

Над головой Тайсона вращался пылающий зеленый трезубец – такой же знак появился надо мной в день, когда Посейдон признал меня своим сыном.

Какое-то мгновение стояла благоговейная тишина.

Это большая редкость – когда тебя официально признают. Некоторые обитатели лагеря всю жизнь тщетно ждали этого события. Когда Посейдон признал меня, все почтительно преклонили колени. Но сегодня все последовали примеру Тантала, который аж взревел от хохота.

– Ну что же! Кажется, теперь мы знаем, где разместить это чудовище. Клянусь богами, фамильное сходство налицо!

Смеялись все, кроме Аннабет и еще нескольких моих друзей.

Тайсон, казалось, ничего не замечал. Он озадаченно пытался отмахнуться от пылающего трезубца у себя над головой, но тот уже таял. Бедняга был слишком наивен, чтобы понять, как над ним потешаются и как велика человеческая жестокость.

Но я все понял.

У меня появился новый сосед по домику. Мой единокровный брат-чудовище.

Глава шестая

Нападение голубей-демонов

Следующие несколько дней обернулись настоящей пыткой – в точности как хотел Тантал.

Для начала Тайсон, хихикая, заселился в домик Посейдона и повадился каждые пятнадцать секунд спрашивать: «Перси – мой брат?» – как будто только что выиграл в лотерею.

– Эээ… Тайсон, – говорил я. – Все не так просто.

Но Тайсон ничего не слушал, пребывая на седьмом небе от счастья. А я… несмотря на мою симпатию к этому здоровяку, чувствовал себя неловко и ничего не мог с этим поделать. Я испытывал стыд. Ну вот, я это сказал.

У моего отца, всемогущего Посейдона, съехала крыша из-за какого-то духа природы женского пола, в результате на свет появился Тайсон. Я ведь читал мифы о циклопах. И запомнил, что чаще всего они оказывались детьми Посейдона. Но никогда не додумывал эту мысль до конца, ведь получалось, что они моя… семья. До тех пор, пока вместе со мной не поселился Тайсон, который отныне спал на соседней кровати.

А еще все эти язвительные замечания, которые отпускали другие обитатели лагеря. Я внезапно перестал быть Перси Джексоном, крутым парнем, тем, кто прошлым летом спас стрелы-молнии Зевса. Теперь я стал другим Перси Джексоном, тупицей, у которого есть брат-чудовище.

– Он не по-настоящему мой брат! – протестовал я, если Тайсона не было поблизости. – Он, скорее, единокровный брат из той родни, про которую говорят «в семье не без урода». Седьмая вода на киселе.

Но никто на это не покупался.

Признаю, я злился на отца. Теперь мне казалось, что надо мной по-крупному подшутили.

Аннабет пыталась меня утешить. Она предложила объединиться в команду для гонок на колесницах, чтобы отвлечься от тяжких дум.

Не поймите меня неправильно. Мы оба терпеть не могли Тантала и с ума сходили от беспокойства за судьбу лагеря, но не знали, что делать. И решили: раз мы все равно пока не придумали блестящий план по спасению древа Талии, то можно и в гонках поучаствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Goodwill Industries International – благотворительная организация, на базе которой создаются магазины, торгующие подержанными вещами. – Прим. пер.

2

Вторая линия Седьмой авеню – экспресс-маршрут нью-йоркского метрополитена. – Прим. пер.

3

Синдром дефицита внимания и гиперактивности. – Прим. пер.

4

Лестригоны – великаны-людоеды.

5

«Нью-Йорк Янкиз» (англ. New York Yankees) – профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в одном из пяти районов города Нью-Йорка Бронксе.

6

Игрок в американском или канадском футболе, располагающийся за центральной линией и руководящий атакой.

7

Игра слов: фамилия Stoll созвучна слову stole, прошедшее время от глагола to steal – «красть», «воровать».

8

Рутбир, или корневое пиво (англ. Root beer), – это газированный напиток, обычно изготовленный из коры дерева сассафраса. Производится двух видов: алкогольное и безалкогольное.

9

Очевидно, речь о продукции компании Barq’s.

Купить: https://tellnovel.com/rik-riordan/persi-dzhekson-i-more-chudovisch-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити